

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Домашний арест: основания и порядок применения»

Обучающийся

Е.А. Янгильдина

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Домашний арест, как одна из мер пресечения, сочетает в себе элементы ограничения свободы передвижения с сохранением возможности пребывания подследственного в домашней обстановке. Однако ее применение вызывает значительное количество дискуссий в научной и правоприменительной практике. Актуальность темы исследования обусловлена возрастанием роли домашнего ареста в системе мер пресечения в условиях гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации. Применение данной меры требует тщательного анализа ее правового регулирования, оснований и порядка реализации, а также выявления проблемных аспектов, связанных с ее эффективностью и справедливостью.

Целью исследования является комплексное изучение правовых аспектов применения домашнего ареста как меры пресечения, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной области.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе применения домашнего ареста в рамках уголовного судопроизводства.

Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие основания, порядок и особенности применения домашнего ареста, а также механизмы обеспечения прав и свобод лиц, в отношении которых он применяется.

Методы исследования включают общенаучные и специальные юридические методы, такие как анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, системный подход и метод интерпретации правовых норм.

Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Правовая природа и значение мер уголовно-процессуального принуждения.....	6
1.1 Развитие системы мер уголовно-процессуального принуждения .	6
1.2 Меры пресечения в системе мер процессуального принуждения	14
1.3 Домашний арест: понятие и место в системе мер пресечения	23
Глава 2 Основания и порядок применения домашнего ареста.....	30
2.1 Основания избрания домашнего ареста как меры пресечения и условия, учитываемые при избрании.....	30
2.2 Процессуальный порядок избрания, продления и отмены домашнего ареста.....	41
2.3 Характер и объём ограничений и запретов, назначаемых при применении домашнего ареста.....	47
Глава 3 Проблемы применения домашнего ареста в качестве меры пресечения и пути их решения.....	54
Заключение	67
Список используемой литературы и используемых источников.....	73

Введение

В современном обществе вопросы применения мер пресечения в рамках уголовного судопроизводства занимают одно из центральных мест в деятельности правоохранительных органов и судов. Особое внимание уделяется мерам, которые позволяют сбалансировать необходимость ограничения свободы обвиняемого или подозреваемого с соблюдением его прав и законных интересов. Одной из таких мер является домашний арест – инструмент, обеспечивающий соблюдение принципов гуманизма и минимизации вмешательства в права личности при наличии обоснованных оснований для ограничения свободы.

Домашний арест, как одна из мер пресечения, сочетает в себе элементы ограничения свободы передвижения с сохранением возможности пребывания подследственного в домашней обстановке. Однако ее применение вызывает значительное количество дискуссий в научной и правоприменительной практике. Актуальность темы исследования обусловлена возрастанием роли домашнего ареста в системе мер пресечения в условиях гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации. Применение данной меры требует тщательного анализа ее правового регулирования, оснований и порядка реализации, а также выявления проблемных аспектов, связанных с ее эффективностью и справедливостью.

Целью исследования является комплексное изучение правовых аспектов применения домашнего ареста как меры пресечения, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной области.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования решены следующие задачи:

- изучить правовую природу и значение мер уголовно процессуального принуждения, в том числе домашнего ареста;

- рассмотреть основания и порядок избрания и применения домашнего ареста;
- выявить процессуальные проблемы, возникающие при применении данной меры пресечения;
- разработать предложения по совершенствованию правового регулирования и практики применения домашнего ареста.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе применения домашнего ареста в рамках уголовного судопроизводства.

Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие основания, порядок и особенности применения домашнего ареста, а также механизмы обеспечения прав и свобод лиц, в отношении которых он применяется.

Методы исследования включают общенаучные и специальные юридические методы, такие как анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, системный подход и метод интерпретации правовых норм. Использование данных методов позволило провести всесторонний анализ нормативно-правовой базы и правоприменительной практики в сфере применения домашнего ареста.

Нормативная база исследования состоит из Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса РФ, федеральных законов, постановлений Конституционного и Верховного судов РФ.

Эмпирическую основу работы составляют данные судебной практики, а также труды отечественных исследователей.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования для повышения качества правоприменительной практики, улучшения правового регулирования домашнего ареста.

Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Правовая природа и значение мер уголовно-процессуального принуждения

1.1 Развитие системы мер уголовно-процессуального принуждения

Система мер уголовно-процессуального принуждения формировалась на протяжении веков, отражая изменения в общественных, правовых и политических отношениях. Основные этапы развития системы мер уголовно-процессуального принуждения далее рассмотрены подробнее.

Первым периодом можно считать древнерусский период (XIII-XIV вв.). В это время развивались первобытные формы процессуального принуждения.

«На Руси в XIII-XIV вв. меры принуждения носили архаичный и коллективный характер. На Руси в XIII-XIV вв. обида расценивалась как правонарушение, а наказание – как имущественная компенсация причиненного вреда. Право судить имели князья, сам процесс суда был состязательным и обвинительным. Доказательствами являлись: свидетельство, клятва, бой и «суд божий». Ответственность за своего члена несла родовая община. Мерой принуждения являлось поручительство – вначале общины, а после – авторитетных людей» [12, с. 168].

Основной формой было поручительство, которое возлагалось на общину или авторитетных лиц. Суть поручительства заключалась в том, что поручители брали на себя обязательства обеспечить явку обвиняемого в суд. Если обвиняемый нарушал условия явки или бежал, ответственность за это несла вся община или поручители, что могло включать имущественные санкции или даже телесные наказания.

Меры принуждения в этот период не были систематизированы, так как право носило преимущественно обычный характер. Процессуальное принуждение носило публичный характер, что отражало коллективистский уклад общества.

«В XV-XVI вв. уголовный процесс был уже более публичным. Правонарушение рассматривалось как посягательство на частные и государственные интересы, а наказание как возмездие, кара. Поэтому функцию правосудия исполняет государство в лице князей и царей» [12, с. 168].

Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. ввели в правовую практику более формализованные меры процессуального принуждения. Одной из таких мер стало поручительство авторитетных людей, которые выступали гарантом явки обвиняемого в суд.

Процедуры принуждения стали более детализированными. Поручители несли материальную или личную ответственность за действия обвиняемого, включая его неявку в суд. Основная цель – обеспечение участия обвиняемого в суде и предотвращение уклонения от ответственности.

«Обыск и пытка, согласно Судебникам 1497-1555 гг., являлись способами ведения уголовных дел. Обыск был средством исследования доказательств, раскрытия и мерой борьбы с преступлениями. Тех, чье поведение не одобряли при обыске, до судебного процесса лишали свободы. Задержанные, скованные в колоды, содержались у пристава. В обязанности пристава входило надзирать за нами. На допросах, арестованных пытали. Мерой уголовно-процессуального принуждения, в данный период времени было поручительство. Поручители отвечали за явку обвиняемого на суд. Поручительство применялось только по письменному прошению, а не по инициативе органов государства» [17, с. 48].

«Соборное уложение 1649 г. ознаменовало новый этап в развитии процессуального принуждения. Впервые была закреплена возможность применения тюремного заключения как меры пресечения. Данная мера стала применяться при наличии обоснованных подозрений в совершении преступления. В это время появились более строгие меры, связанные с лишением свободы» [42, с. 79]. Мера пресечения назначалась губными старостами или воеводами. Проблемой этого этапа была неопределенность

сроков тюремного заключения, которые могли быть чрезвычайно длительными.

Период правления Петра I ознаменовался значительными реформами в области уголовного судопроизводства. В это время отменяется такая мера, как «отдача за пристава», но основным инструментом принуждения становится заключение под стражу. Данная мера использовалась повсеместно, что отражало авторитарный характер государственной власти. В это время также вводится строгий надзор за процессуальными сроками, хотя проблема длительных заключений сохраняется. Полицейский контроль усиливается, что соответствует задачам укрепления центральной власти.

«С приходом к власти Александра I, принят Императорский Указ «Об отмене пыток». Закон от 20 марта 1822 г. установил, что мужские кандалы должны весить чуть более 2 кг, а налагаемые на ноги обручи было предписано обшивать кожей (женщин в кандалы не заковывали). В тюрьмах уделялось внимание за раздельным содержанием лиц разного пола. Однако указом от 29 января 1825 г. было введено унижающее человеческое достоинство бритье половины головы у арестантов. Позже данная мера была отменена. Заключенных отпускали для прошения милостыни «в связках» или отдавали на казенную работу» [12, с. 169].

В XIX веке российская правовая система достигает нового уровня развития, что связано с публикацией Свода законов Российской империи 1832 г. и Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

«В Своде законов утверждалось, что при выборе меры пресечения нужно учитывать причастность лица к совершению преступления, тяжесть преступления, звание обвиняемого и подозрение в намерении учинить побег. Точная классификация наказаний в России появилась с изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 15 августа 1845 г.» [12, с. 170].

«В 1857 г. в Своде законов были внесены следующие нормы:

- в тюрьмах содержатся во время следствия и суда все обвиняемые в преступлениях, по которым определяется лишение всех прав

состояния или же потеря всех особых прав и имуществ, ссылка в Сибирь или другие отдаленные губернии, отдача в исправительные арестантские роты гражданского ведомства или в рабочий дом, особенно когда подсудимые уже осуждены в первой степени суда. В тюрьмах содержатся те, кто был обвиняемым в других, менее важных, преступлениях, но не может предоставить себе поруки;

- в домашнем аресте и полицейском надзоре содержатся обвиняемые в преступлениях менее важных, за которые они подлежали бы заключению в крепости, в смиренных домах или тюрьме;
- отдача на поруки допускается в тех случаях, когда обвиняемые могут подлежать менее строгим наказаниям» [12, с. 169].

Наличие четкого перечня преступлений, за которые применялось заключение в тюрьме, свидетельствовало о стремлении законодателя упорядочить применение мер пресечения. Однако на практике меры подобного рода могли нарушать права личности, так как не предусматривали альтернатив в случае невозможности предоставления поручительства. Особенно это касалось менее тяжких преступлений, для которых заключение в тюрьме могло быть чрезмерной мерой.

Домашний арест и полицейский надзор применялись к обвиняемым в менее тяжких преступлениях, за которые предусматривались наказания, такие как заключение в крепости, смиренные дома или тюрьмы. Данные меры представляли собой попытку найти баланс между необходимостью ограничения свободы обвиняемого и минимизацией репрессивного воздействия.

Домашний арест был более гуманной альтернативой тюремному заключению, но его эффективность зависела от возможности контроля со стороны правоохранительных органов. С учетом ограниченности технических средств в XIX веке, обеспечение строгого контроля за исполнением условий домашнего ареста могло быть затруднительным.

Отдача на поруки была одной из наиболее гуманных мер пресечения, так как не предусматривала физического лишения свободы. Она также отражала доверие к социальной ответственности окружения обвиняемого. Однако эффективность этой меры зависела от возможности обвиняемого найти поручителей, что было затруднительно для лиц из бедных или маргинализированных слоев общества. Поручительство стимулировало социальные связи, укрепляя взаимодействие между государственными институтами и обществом.

«Исправление недостатков было невозможным без изменения общих фундаментальных начал уголовного судопроизводства. Отметим, что накануне судебной реформы 1860 г. был введен институт судебных следователей. Применение всех мер пресечения (за исключением краткосрочного задержания) вошло в компетенцию полиции следователей, отнесенных к судебной власти. В 1865 г. было отменено утверждение приговоров исполнительной властью. Кроме этого, в 1860 г. был издан наказ судебным следователям, который обязывал при заключении обвиняемых под стражу в тот же день составлять особые акты и представлять на утверждение суда» [12, с. 169].

Принятый в рамках судебной реформы Александра II Устав уголовного судопроизводства 1864 г. стал важнейшим этапом в развитии уголовного процесса России. Он обособил судебную власть от исполнительной, установил состязательность сторон и четкое регламентирование процессуальных действий. Одной из ключевых новаций Устава стала система мер пресечения, направленных на обеспечение правосудия, защиту общественных интересов и предотвращение уклонения обвиняемого от ответственности. Устав не только закрепил ранее существующие меры пресечения, но и дополнил их новыми, ориентированными на гуманизацию уголовного судопроизводства.

В соответствии с положениями Устава 1864 г. меры пресечения, применяемые в отношении обвиняемого, делились на несколько категорий, рассмотренных далее.

«Подписка о невыезде и надлежащем поведении – одна из наиболее мягких мер пресечения, заключающаяся в письменном обязательстве обвиняемого не покидать определенное место жительства или пределы административного округа до завершения судебного разбирательства. Также обвиняемый обязывался вести себя должным образом, не препятствовать следствию и являться по вызовам следователя или суда» [17, с. 48].

Отдача под особый надзор полиции – мера применялась в отношении обвиняемых, представлявших потенциальную опасность для общества или подозреваемых в намерении уклониться от следствия. Надзор полиции предполагал регулярный контроль за местонахождением и поведением обвиняемого, вплоть до установления фиксированного времени, в которое обвиняемый должен был находиться дома или являться в полицейское управление.

Устав позволял обвиняемому быть переданным на поруки частным лицам (например, родственникам, друзьям или авторитетным представителям общества). Поручители обязаны были следить за поведением обвиняемого и обеспечивать его явку к следственным и судебным органам. В случае нарушения обвиняемым условий поруки, поручители несли ответственность (в том числе имущественную).

Залог представлял собой денежное обеспечение, предоставляемое обвиняемым или третьими лицами в обмен на освобождение обвиняемого до суда. Размер залога зависел от тяжести преступления и имущественного положения обвиняемого. В случае неявки обвиняемого в суд или следственные органы залог обращался в доход государства.

Данная мера стала одной из самых значимых новаций Устава 1864 г. Взятие залога предоставляло обвиняемому возможность сохранить свободу до суда, при этом государство получало гарантию его явки. Такая мера была экономически выгодна как для обвиняемого (который мог избежать тюремного заключения), так и для государства (снижение расходов на содержание обвиняемых в тюрьмах).

«Домашний арест предполагал содержание обвиняемого под стражей в пределах его собственного дома. Данное ограничение свободы сопровождалось запретом на контакты с внешним миром, контроль за которым осуществлялся полицией.

Заключение под стражу являлось самой строгой мерой пресечения, заключающаяся в помещении обвиняемого в тюрьму на время следствия и суда. Применение этой меры было возможно только при наличии серьезных оснований, таких как тяжесть преступления, опасность обвиняемого для общества или высокий риск уклонения от правосудия» [17, с. 48].

Привод – данная мера применялась в отношении лиц, которые уклонялись от явки на допросы или судебные заседания. Привод предусматривал принудительное доставление таких лиц в органы следствия или суд.

«Дальнейший этап развития мер уголовно-процессуального принуждения связан с принятием Александром II Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Он окончательно отделил судебную власть от исполнительной. Полиция могла применять только задержание. Система мер уголовно-процессуального принуждения 1864 г. включила в себя: отобрание вида на жительство или подписка о явке к следствию и невыезде с места жительства; отдача под особый надзор полиции; отдача на поруки; взятие залога; домашний арест; взятие под стражу» [17, с. 48].

С переходом к социалистическому строю законодательство дореволюционного периода было полностью отменено. На смену Уставу уголовного судопроизводства пришел «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г., который установил новый перечень мер принуждения:

- привод;
- подписка о невыезде;
- личное и имущественное поручительство;
- залог;
- домашний арест;

- заключение под стражу» [26].

Нововведением стало положение о прокурорском контроле за применением таких мер. Прокурор должен был санкционировать избрание меры пресечения, что стало важным элементом защиты прав обвиняемых.

Однако в сталинский период меры принуждения часто использовались в репрессивных целях, что нивелировало их правовую природу.

«УПК РСФСР 1960 г. закрепил три новые меры превентивного воздействия:

- отдача несовершеннолетнего под присмотр;
- поручительство общественного объединения;
- наблюдение командования воинской части.

В ранее действующем УПК РСФСР 1922 г. отсутствовала четкая формулировка наименования такой меры принуждения как «временное отстранение от должности». Данный недостаток был устранен законодателем при принятии УПК РСФСР 1960 г.» [46] «Однако, закон не требовал процессуального оформления данной меры принуждения. Достаточно было направить сообщение по месту работы обвиняемого о необходимости отстранения его от должности. Однако новое законодательство также не было совершенным: в нем не были закреплены понятие «должностное лицо», основания для его отстранения и сама процедура отстранения» [17].

В этот период система мер принуждения существенно упростилась: фактически применялись только подписка о невыезде и заключение под стражу. Согласно статистике 1990-х гг., эти две меры составляли 98% всех случаев применения мер пресечения.

После распада Советского Союза Россия приступила к реформированию уголовного судопроизводства. Принятый в 2001 г. УПК РФ восстановил и расширил перечень мер процессуального принуждения, включив в него как новые, так и традиционные меры. Особенностью нового кодекса стал системный подход к классификации мер принуждения, которые были объединены в самостоятельный раздел.

По мнению Е.В. Манджиевой, «Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый в 2001 г. представил определенно новую систему мер процессуального принуждения, в результате чего ряд спорных моментов получили свое разрешение. В отличие от УПК РСФСР 1960 г., в котором выделялись только нормы о мерах пресечения, в новом уголовно-процессуальном законе мерам процессуального принуждения посвящен отдельный раздел, в который включены три главы. Так, выделен целый раздел IV, посвященный мерам процессуального принуждения и состоящий из трех глав: главы 12 «Задержание» (ст. ст. 91-96), главы 13 «Меры пресечения» (ст. ст. 97-110) и главы 14 «Иные меры процессуального принуждения» (ст. ст. 111-118). Кроме того, существенно изменен круг участников уголовного процесса, в отношении которых могут применяться иные меры принуждения. Законодательно введены понятия «меры процессуального принуждения» и «иные меры процессуального принуждения», определена их система» [18].

В заключении пункта можно сделать вывод, что этапы развития системы мер уголовно-процессуального принуждения в России демонстрируют последовательный переход от архаичных и коллективных форм к современным индивидуализированным и юридически регламентированным мерам. На каждом этапе система адаптировалась к историческим и социальным изменениям, что отразилось в расширении перечня мер, усложнении их классификации и повышении уровня защиты прав человека.

1.2 Меры пресечения в системе мер процессуального принуждения

Дефиниция уголовно-процессуальных мер пресечения законодательно не определена. По мнению авторов И.Г. Рогава, Ф.С. Махмудовой, «мера пресечения, предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, является разновидностью уголовно-процессуальных принудительных мер, направленных на лишение или ограничение свободы

обвиняемого, а в исключительных случаях подозреваемого. Она применяется к лицам, которые еще не были признаны виновными и осуждены за преступление, и поэтому должны быть исключительными и соразмерными. Несоразмерными являются меры, цель которых может быть достигнута более мягкими способами» [33].

Также авторы отмечают, что «из содержания статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса вытекает, что под мерами пресечения понимаются применяемые следователем, дознавателем судом меры уголовного процессуального принуждения, которые оказывают определенное психологическое воздействие на обвиняемого (подозреваемого) или ограничивают его личную свободу с целью лишить его возможности скрыться от до следствия или суда, продолжать по-прежнему заниматься преступной деятельностью или препятствовать уголовному судопроизводству, а также в целях обеспечения исполнения приговора» [33].

Во многих исследованиях отмечается, что меры пресечения, регулируемые Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ), не имеют строгого определения в тексте закона, что вызывает необходимость обращения к научной доктрине и судебной практике для раскрытия их природы, видов и порядка применения.

Среди ученых-юристов нет единого подхода к определению сущности и содержания мер пресечения. Исходя из формулировок различных авторов, можно выделить три основные группы взглядов на понятие мер пресечения.

Первая группа самая многочисленная, и ее представители рассматривают меры пресечения как превентивные, предупреждающие меры, направленные на предотвращение негативного поведения обвиняемого или подозреваемого.

М.С. Строгович определял меры пресечения как «принудительные меры, применяемые для предупреждения уклонения обвиняемого от явки в суд или к следствию, сокрытия следов преступления, побега или совершения новых преступлений» [39, с. 56]. По его мнению, «основное назначение мер

пресечения – это ограничение свободы обвиняемого для обеспечения его надлежащего поведения. Он подчеркивал, что данные меры направлены на поддержание правопорядка в ходе уголовного процесса» [39, с. 56].

И.М. Гуткин также придерживался этой точки зрения, определяя меры пресечения как «ограничивающие свободу меры принуждения, используемые с целью воспрепятствования обвиняемому скрываться от органов дознания, следствия и суда, продолжать преступную деятельность или уклоняться от исполнения наказания» [11, с. 21].

По мнению З.З. Зинатуллина, «меры пресечения – это принудительные средства уголовно-процессуального характера, применяемые в строго указанных в законе случаях органами дознания, следствия, прокуратуры к обвиняемому (в определенных случаях также к подозреваемому), а судом к подсудимому (до вступления приговора в законную силу) и имеющие своей целью пресечь таким лицам возможность уклонения от следствия и суда, воспрепятствовать установлению по делу объективной истины или продолжать преступную деятельность, а также обеспечить исполнение приговора в части уголовного наказания» [13, с. 31].

Представители первой группы сходятся во мнении, что меры пресечения являются инструментом обеспечения правосудия, направленным на предупреждение нарушений со стороны обвиняемого или подозреваемого. Их общий подход основан на обеспечении нормального течения уголовного процесса.

Авторы второй группы рассматривают меры пресечения как часть уголовной ответственности, то есть как своеобразное начало или элемент уголовного наказания. Однако такая точка зрения вызывает значительные дискуссии среди ученых.

И.С. Тройнина в своем исследовании указывает на формулировку авторов И. Карпец и А.В. Наумова, которые считали, что меры пресечения являются не только обеспечительным инструментом, но и элементом уголовной ответственности. Они отмечали, что «применение мер пресечения

связано с ограничением прав и свобод обвиняемого, что сближает их с мерами уголовного наказания. Однако при этом они подчеркивали, что меры пресечения не могут полностью приравняться к уголовному наказанию, так как они применяются до вынесения судебного приговора» [44].

Критики данной концепции (например, М.Ю. Тихомиров) указывали, что «меры пресечения не являются формой наказания, так как они не преследуют целей исправления или перевоспитания обвиняемого, а применяются исключительно в целях обеспечения уголовного судопроизводства» [41, с. 98]

Третья группа считает, что меры пресечения – это меры принуждения с морально-психологическим воздействием. Концепция подчеркивает не только физическое или правовое ограничение свободы обвиняемого, но и морально-психологическое воздействие, которое оказывают меры пресечения.

Так, А.П. Рыжаков охарактеризовал меры пресечения как процессуальное принуждение, направленное на обеспечение явки обвиняемого в суд и препятствование его противоправным действиям. При этом он акцентировал внимание на том, что меры пресечения оказывают на обвиняемого не только физическое, но и психологическое воздействие, побуждая его соблюдать процессуальные обязательства [36, с. 58].

А.Е. Белоусов дополнил эту точку зрения, подчеркнув, что меры пресечения имеют морально-превентивное воздействие. По его мнению, «меры пресечения применяются лишь в сфере уголовного судопроизводства, в отношении точно определенного в законе круга лиц, носят характер процессуального принуждения (включая и моральное воздействие), с целью достижения, прежде всего, конкретных, непосредственно отраженных в тексте закона задач, и обладают свойством превентивности» [4, с. 17].

Данная концепция особенно актуальна в отношении несовершеннолетних обвиняемых, так как их личность находится на стадии формирования, и процессуальное принуждение должно сочетаться с воспитательным и моральным воздействием.

Анализ подходов авторов показывает, что каждая концепция подчеркивает определенный аспект их сущности – превентивный характер, связь с уголовной ответственностью или морально-психологическое воздействие. Однако наиболее обоснованным является взгляд, который рассматривает меры пресечения как превентивные меры, обеспечивающие достижение целей уголовного судопроизводства, с учетом их морально-психологического воздействия на личность обвиняемого.

«Среди признаков уголовно-процессуальных мер пресечения можно выделить следующие:

- четкий перечень лиц, к кому они могут применяться; - временность ограничений личных свобод и (или) негативных имущественных последствий за ненадлежащее поведение,
- целью является недопущение или максимальное устранение возможности противодействия субъекта расследованию, в том числе его уклонение от участия в процессе,
- ограниченный перечень оснований, закрепленных в УПК РФ, - личный характер мер» [34, с. 327].

Согласно УПК РФ, ст. 98. к мерам пресечения относятся:

- подписка о невыезде,
- личное поручительство,
- наблюдение командования воинской части,
- присмотр за несовершеннолетним обвиняемым,
- запрет определенных действий,
- залог,
- домашний арест,
- заключение под стражу [45].

А.Р. Барахоева отмечает, что «при изложении мер пресечений законодатель использует континентальный подход, то есть перечень мер является закрытым. В российском варианте данной модели отсутствует возможность одновременного применения нескольких мер пресечения.

Однако есть возможность наряду с залогом и домашним арестом применить соответствующие дополнительные запреты, предусмотренные ст. 105.1 УПК РФ (например, общаться с определенными лицами, использовать средства связи, интернет и т.д.). Такое положение порождает определенные противоречия» [3, с. 182].

Также автор отмечает, что «несмотря на то, что иерархия мер пресечений подразумевается, законодатель в перечне ее не устанавливает. Полномочиями на применение уголовно-процессуальных мер пресечения обладают только дознаватель, следователь, суд (судья). Решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, а также о продлении срока содержания под стражей во время досудебного производства вправе принимать только суд» [3, с. 183].

При этом авторы И.Г. Рогава, Ф.С. Махмудова указывают, что «при этом первые семь мер не связаны с лишением свободы лица, однако они редко применяются в уголовном судопроизводстве, чаще всего используется заключение под стражу» [33].

Далее меры пресечения, указанные в ст. 98 УПК РФ рассмотрены подробнее.

Подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) является самой мягкой мерой пресечения, которая ограничивает право обвиняемого или подозреваемого на свободное передвижение. Она включает письменное обязательство не покидать место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда и своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд, иным путем не препятствовать производству по уголовному делу. Применяется к лицам, подозреваемым или обвиняемым в преступлениях небольшой и средней тяжести.

Личное поручительство (ст. 103 УПК РФ) заключается в предоставлении письменного обязательства доверенного лица (поручителя), который гарантирует надлежащее поведение обвиняемого и его явку в следственные органы и суд. При нарушении обвиняемым условий поручительства

поручитель несет ответственность (например, в виде штрафа). Подходит для лиц, которые имеют положительную характеристику и сильные социальные связи.

Наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК РФ) применяется к военнослужащим и лицам, проходящим военные сборы и состоит в принятии мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, а за подозреваемым или обвиняемым, являющимися гражданами, пребывающими в добровольческом формировании, - в принятии мер, установленных Порядком поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требованиями, предъявляемыми к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, определяемыми Министерством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации), в целях обеспечения выполнения этими подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 УПК РФ [45]. Командование воинской части обязано обеспечить надлежащее поведение обвиняемого или подозреваемого и его явку по вызовам следственных органов. Данная мера ограничена по субъектам и имеет военно-административный характер.

Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым состоит в обеспечении его надлежащего поведения, предусмотренного статьей 102 УПК РФ, родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство (ст. 105 УПК РФ). Ответственные лица обязаны следить за его поведением и обеспечивать выполнение обязательств.

Запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) позволяет ограничить подозреваемого или обвиняемого в конкретных действиях. Запрет определенных действий в качестве меры пресечения избирается по судебному

решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов:

- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [45].

Залог (ст. 106 УПК РФ) – внесение определенной денежной суммы или иного имущества на депозитный счет суда в качестве гарантии явки обвиняемого или подозреваемого в суд и следственные органы. При нарушении условий залог обращается в доход государства.

Домашний арест (ст. 107 УПК РФ) подразумевает содержание обвиняемого в своем жилище с ограничением передвижения, контактов и других прав. Контроль осуществляется органами внутренних дел с использованием технических средств (например, электронного браслета).

Заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ) – самая строгая мера пресечения, заключающаяся в помещении обвиняемого в следственный изолятор. Применяется только в исключительных случаях, при наличии доказательств, что другие меры пресечения не обеспечат надлежащее

поведение обвиняемого. Данная мера ограничивается определенными сроками и требует обоснования невозможности применения более мягких мер.

В.А. Михайлов выделяет следующие группы обстоятельств при определении оснований применения мер пресечения:

- «доказанность деяния, совершенного лицом, в отношении которого в предусмотренной законом форме вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого;
- установление лица, в отношении которого в предусмотренной законом форме вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого;
- наличие достаточных доказательств, позволяющих полагать, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, и может воспрепятствовать производству по уголовному делу;
- наличие достаточных доказательств, позволяющих полагать, что применение меры пресечения необходимо для исполнения приговора суда» [21, с. 14].

Таким, образом, основные цели мер пресечения состоят в:

- предотвращении уклонения от правосудия;
- нейтрализации угрозы продолжения преступной деятельности;
- защите участников процесса и доказательств. Они исключают угрозы свидетелям, потерпевшим или уничтожение (фальсификацию) доказательств;
- обеспечении исполнения приговора. Меры пресечения предотвращают уклонение обвиняемого от уголовного наказания [20, с. 87].

Следовательно, меры пресечения обладают обеспечительным характером и направлены на соблюдение интересов уголовного правосудия [1, с. 83].

«Стоит отметить, что несмотря на наличие более мягких мер, заключение под стражу остается наиболее часто применяемой мерой пресечения. Меры, такие как залог, запрет определенных действий и домашний арест, применяются редко, что связано с ограниченными ресурсами правоохранительных органов и недоверием к их эффективности» [35, с. 254].

Меры пресечения в уголовном процессе Российской Федерации – это важный инструмент обеспечения правосудия и направлены на предотвращение противоправных действий обвиняемого или подозреваемого и защиту интересов общества. Однако их применение требует учета принципов соразмерности и минимального вмешательства в права личности.

1.2 Домашний арест: понятие и место в системе мер пресечения

«Домашний арест в качестве меры пресечения действовал в России еще со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 года. В Уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922 и 1923 годов также была предусмотрена данная мера пресечения. Однако законодатель исключил домашний арест из перечня мер пресечения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1960 года. Домашний арест вновь был закреплен в статье 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации лишь в 2002 году.

Тем не менее, долгое время после принятия УПК Российской Федерации домашний арест оставался «мертвой» мерой пресечения, практически не применявшейся на практике. Это было обусловлено тем, что нормы, призванные устанавливать порядок применения меры пресечения, носили слишком общий характер, что приводило к невозможности применения домашнего ареста. В связи с этим в статью 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации был внесен ряд изменений, последние из которых – в 2018 году» [6, с.598].

В настоящее время УПК РФ ст. 107 определяет, что домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение [45].

По мнению В.М. Галиева, «домашний арест представляет собой одну из форм мер пресечения, которая имеет большое практическое значение. Он обладает всеми общими характеристиками мер пресечения, включая особые цели и основания для их применения, необходимость учета законных обстоятельств при выборе меры пресечения, принудительный характер, возможность применения только в отношении обвиняемого и только в исключительных случаях и на ограниченный срок (10, 30 суток) до предъявления обвинения (статья 100 УПК России)» [8, с. 246].

Как справедливо утверждает А.С. Александров: «суть домашнего ареста заключается в том, что лицо, которое подозревают или обвиняют, находится в полной или частичной изоляции от общества в своем жилом помещении, где проживает как владелец, арендатор или по другим законным основаниям» [2, с. 89].

Домашний арест не является содержанием под стражей, такой вывод сделал Конституционный суд Российской Федерации в своем Определении Конституционного Суда РФ от 27.01.2011 № 9-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аноприева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», к тому же домашний арест – более мягкая мера пресечения по сравнению с заключением под стражу.

В рассматриваемом деле Александр Аноприев был подвергнут домашнему аресту «на основании постановления Останкинского районного суда города Москвы от 11 июня 2010 г. в рамках уголовного дела. Суд установил ряд ограничений, а именно Аноприеву запретили покидать или менять место жительства без письменного разрешения следователя или суда, общаться с определенными лицами, отправлять и получать корреспонденцию, выступать в СМИ с заявлениями по своему делу и вести переговоры с использованием любых средств связи без разрешения. 17 июня 2010 г. Аноприеву было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктами «а» и «б» части 2 статьи 172 УК РФ («Незаконная банковская деятельность»), относящегося к преступлениям средней тяжести с максимальным наказанием до семи лет лишения свободы» [23]. Срок предварительного следствия был продлен руководителем следственного органа до девяти месяцев, до 4 марта 2011 года. Аноприев обратился в Конституционный Суд, оспаривая конституционность статьи 107 УПК РФ, регулирующей домашний арест. Он утверждал, что отсутствие в этой норме указания на предельный срок применения меры пресечения позволяет продлевать домашний арест вплоть до истечения срока давности уголовного преследования без должного судебного контроля, что, по его мнению, нарушает статьи 15(4), 21, 22, 46 и 55(3) Конституции РФ, гарантирующие достоинство личности, свободу, право на судебную защиту и соразмерное ограничение прав.

«Конституционный Суд РФ отклонил жалобу Аноприева, указав, что эта норма в совокупности с другими положениями УПК РФ обеспечивает достаточные гарантии прав лиц, подвергнутых домашнему аресту. Суд подчеркнул, что домашний арест является более мягкой мерой по сравнению с заключением под стражу, что прямо указано в пункте 42 статьи 5 УПК РФ, и подлежит судебному контролю. Решение о его применении принимает суд с учетом возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств обвиняемого, как предусмотрено частью 2 статьи 107» [23].

Рассматриваемое дело выявило проблему, поднятую Аноприевым, а именно отсутствие в статье 107 явных временных рамок, создавало риск неопределенно долгого применения домашнего ареста. Хотя Конституционный Суд отклонил жалобу, указав, что статьи 6.1 и 128 УПК РФ обеспечивают разумный срок, этот вопрос стал двигателем законодательных изменений. В декабре 2011 года Федеральным законом № 420-ФЗ в статью 107 были внесены поправки, установившие четкие сроки домашнего ареста, аналогичные срокам содержания под стражей (например, до шести месяцев на стадии предварительного следствия с возможностью продления судом) [23].

Контроль за соблюдением условий домашнего ареста осуществляется уполномоченными органами, которые могут использовать аудиовизуальные, электронные и другие технические средства. В случае нарушения установленных запретов суд может изменить меру пресечения на более строгую [5, с. 13].

Ученые В.М. Быков и Д.А. Лисков в своей научной статье подтверждают, что «домашний арест требует наличия постоянного наблюдения, которое гарантирует физическое соблюдение условий, назначенных осужденным. ограничения, наложенные на арестованного, могут быть разделены на две формы домашнего ареста» [5, с. 13].

Домашний арест занимает промежуточное положение между более мягкими мерами пресечения (например, подписка о невыезде) и наиболее строгой мерой – заключением под стражу. Он предоставляет возможность ограничить свободу подозреваемого или обвиняемого без изоляции в местах лишения свободы, что соответствует тенденции гуманизации уголовного судопроизводства.

Введение этой меры пресечения было обусловлено стремлением государства сократить практику избрания заключения под стражу и снизить нагрузку на следственные изоляторы.

Среди основных задач домашнего ареста можно выделить:

- обеспечение надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого, позволяет снизить вероятность совершения лицом действий, которые могли бы нарушить установленный порядок уголовного судопроизводства;
- играет важную роль в пресечении возможности подозреваемого или обвиняемого продолжать преступную деятельность, что особенно актуально, если есть основания полагать, что данное лицо может совершить повторное преступление или попытаться уничтожить следы уже совершенного преступления;
- обеспечение безопасности свидетелей, потерпевших и других участников уголовного дела. Домашний арест позволяет ограничить общение подозреваемого или обвиняемого с потенциальными жертвами, соучастниками или другими лицами, которые могут оказать влияние на ход расследования;
- исключает возможность уничтожения или фальсификации доказательств по делу;
- выполняет гуманистическую задачу, предоставляя подозреваемому или обвиняемому возможность находиться в привычных условиях, в отличие от заключения под стражу. Данная мера особенно важна для лиц, которые имеют слабое здоровье, семейные обязательства или другие социальные факторы, делающие содержание под стражей чрезмерно строгим;
- позволяет сохранить социальные и семейные связи подозреваемого или обвиняемого, что снижает уровень психологического давления на него. Лицо, находящееся под домашним арестом, не лишается полностью возможности взаимодействия с ближайшим окружением, что способствует сохранению его социальной реабилитации;
- минимизация расходов государства, снижает нагрузку на следственные изоляторы, высвобождая ресурсы пенитенциарной системы для более строгих мер пресечения.

Эффективное выполнение этих задач зависит от строгости соблюдения ограничений и грамотного контроля за исполнением данной меры пресечения.

Анализ представленных данных за 2021-2023 гг. по применению меры пресечения в виде домашнего ареста в период нахождения дела в судебном производстве показывают рост применения домашнего ареста с 1379 до 1579 штук в том числе в качестве замены другой меры пресечения в судебной стадии уголовного процесса, что говорит о том, что данный вид меры пресечения становится неотъемлемой частью судебной практики, особенно в случаях, где это позволяет учитывать обстоятельства дела и личность обвиняемого [40].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ она составила около 1,5% от общего числа избранных мер пресечения.

Среди причин низкой популярности этой меры пресечения можно выделить:

- сложности в организации эффективного контроля за соблюдением условий домашнего ареста;
- недостаточное техническое оснащение контролирующих органов;
- опасения следственных органов относительно возможности подозреваемого или обвиняемого воспрепятствовать расследованию, находясь под домашним арестом.

Для повышения эффективности применения домашнего ареста необходимо:

- совершенствовать нормативно-правовую базу;
- обеспечивать техническое оснащение контролирующих органов;
- повышать квалификацию сотрудников, ответственных за контроль.

В заключении главы сделан вывод, что меры пресечения в уголовном процессе направлены на предотвращение противоправных действий обвиняемого или подозреваемого и защиту интересов общества.

Меры пресечения обладают обеспечительным характером и направлены на соблюдение интересов уголовного правосудия.

Этапы развития системы мер уголовно-процессуального принуждения в России демонстрируют последовательный переход от архаичных и коллективных форм к современным индивидуализированным и юридически регламентированным мерам.

Домашний арест (ст. 107 УПК РФ) подразумевает содержание обвиняемого в своем жилище с ограничением передвижения, контактов и других прав.

Контроль осуществляется органами внутренних дел с использованием технических средств (например, электронного браслета).

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ она составила около 1,5% от общего числа избранных мер пресечения.

Для более широкого и эффективного использования этой меры пресечения требуется решение ряда организационных и правовых вопросов.

Глава 2 Основания и порядок применения домашнего ареста

2.1 Основания избрания домашнего ареста как меры пресечения и условия, учитываемые при избрании

Основания для избрания меры пресечения, в том числе домашнего ареста, рассматриваются как совокупность факторов и доказательств, которые подтверждают необходимость применения конкретной меры с учётом обстоятельств дела и степени общественной опасности обвиняемого или подозреваемого.

Согласно ст. 97 УПК РФ к основаниям для избрания меры пресечения при наличии достаточных оснований полагать, относятся, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу [45].

Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения. Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ.

Также стоит отметить, что в случае продолжения производства по уголовному делу, по которому истекли сроки давности уголовного преследования, меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого применяться не могут, за исключением случаев, если лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы [45].

По мнению И.М. Горбатовых, «анализ положений ст. 97 УПК РФ показал, что основания:

- едины для всех мер пресечения;
- могут быть установлены лишь с определенной долей вероятности;
- должны быть подтверждены собранными по уголовному делу доказательствами» [10].

Также по мнению автора, «основания избрания меры пресечения следует дифференцировать на две группы:

- уголовно-правовые (фактические);
- процессуальные, которые формируются на основе норм материального права и находятся с ними в тесной взаимосвязи» [10].

Данные группы находятся в тесной взаимосвязи, поскольку процессуальные основания основываются на уголовно-правовых характеристиках.

«Уголовно-правовые (фактические) основания включают такие признаки, как:

- факт совершения преступления и его квалификация, что подтверждается установленными обстоятельствами дела;
- причастность лица к совершению преступления, то есть наличие доказательств, указывающих на его участие в деянии;
- возраст лица, достигшего установленного законом уровня уголовной ответственности (например, 14 или 16 лет в зависимости от преступления, согласно ст. 20 УК РФ);
- состояние вменяемости лица (ст. 21 УК РФ), подтверждающее возможность привлечения его к ответственности» [47].

Данные признаки формируют базу для обоснования необходимости применения меры пресечения и дальнейшего процессуального оформления.

«Процессуальные основания представляют собой юридические процедуры и доказательства, которые подтверждают целесообразность применения меры пресечения. Они включают:

- наличие статуса подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 97 УПК РФ);
- доказательства, подтверждающие причастность лица к преступлению, такие как свидетельские показания, вещественные доказательства или экспертизы;
- высокая вероятность наступления негативных последствий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ (например, риск скрыться, уничтожить доказательства, повлиять на свидетелей или продолжить преступную деятельность).

Процессуальные основания фиксируются в конкретных процессуальных документах и строго регулируются нормами процессуального права» [10].

Уголовно-правовые основания создают фактическую основу для применения меры пресечения, тогда как процессуальные основания обеспечивают их правовую легитимность и регламентацию в рамках уголовного судопроизводства.

В некоторых случаях кроме наличия оснований целесообразно принимать во внимание условия избрания меры пресечения. Основания должны побуждать ведущее расследование лицо к действию, а условия обеспечивать учет наиболее значимых с точки зрения законодателя факторов.

При этом, как справедливо отмечает Ю.Г. Овчинников, «условия следует разделять на две группы:

- общие – учитываемые в ходе избрания любой такой меры и обеспечивающие выбор одной из них;
- специальные – необходимые для избрания конкретной меры пресечения, а также отражающие особенности ее применения в отношении определенных категорий лиц.

Специальными условиями избрания домашнего ареста большинство ученых считают:

- указание в санкции статьи УК РФ, что за преступление, совершенное обвиняемым, предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше двух лет;
- наличие у обвиняемого жилища;
- наличие компетентного органа или должностного лица, осуществляющего надзор и установление механизма надзора за поведением обвиняемого» [22, с. 46].

Ст. 99 УПК РФ регламентирует ключевые обстоятельства, которые должны учитываться при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого. Основная идея статьи заключается в том, что при принятии решения о мере пресечения должны быть соблюдены баланс между целями уголовного судопроизводства и защитой прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых [45].

При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 года № 12-П по делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина показывает основания и порядок применения домашнего ареста, особенно в делах о преступлениях небольшой тяжести. Данное дело раскрывает проблему соразмерности ограничений, налагаемых данной мерой пресечения, тяжести инкриминируемого деяния, а также необходимость соблюдения конституционных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность.

Дело связано с обвинением Сергея Анатольевича Костромина в невыплате заработной платы, квалифицированной по части 2 статьи 145.1 УК

РФ, что относится к преступлениям небольшой тяжести с максимальным наказанием до трех лет лишения свободы. 20 июля 2017 г. Московский районный суд Санкт-Петербурга избрал в отношении Костромина домашний арест, запретив ему покидать место проживания, общаться с лицами, кроме близких родственников, отправлять и получать корреспонденцию, использовать средства связи, выступать в СМИ по делу, но разрешив ежедневную часовую прогулку. Срок домашнего ареста продлевался судом: сначала до 17 ноября 2017 года, затем до 24 ноября 2017 года. 9 ноября 2017 года Костромину было предъявлено обвинение в трех эпизодах невыплаты зарплаты на общую сумму свыше 77 млн рублей, но уже на следующий день следователь ходатайствовал о прекращении дела и назначении судебного штрафа, так как обвиняемый полностью погасил задолженность. 22 ноября 2017 года суд заменил домашний арест на залог в 500000 рублей, а дело было передано мировому судье. Костромин оспаривал конституционность частей 1 и 3 статьи 107 УПК РФ, утверждая, что они позволяют применять домашний арест к обвиняемым в преступлениях небольшой тяжести без учета условий, ограничивающих заключение под стражу по статье 108 УПК РФ, что нарушает статьи 22(1) и 55(3) Конституции РФ, гарантирующие свободу и соразмерность ограничений прав.

Рассмотрение дела Конституционным Судом существенно углубляет понимание оснований и порядка применения домашнего ареста. Суд признал части 1 и 3 статьи 107 УПК РФ, соответствующими Конституции, но уточнил их конституционно-правовой смысл, так домашний арест для преступлений небольшой тяжести допустим только если уголовный закон предусматривает лишение свободы как возможное наказание (согласно части 1 статьи 56 УК РФ, это возможно при наличии отягчающих обстоятельств или если лишение свободы –единственный вид наказания) либо при наличии исключительных обстоятельств, указанных в части 1 статьи 108 УПК РФ.

Особенности дела заключаются в том, что оно выявляет проблему правоприменительной практики, основанной на пункте 36 Постановления

Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2013 года, который исключал для домашнего ареста ограничения по тяжести преступления, установленные для заключения под стражу. Конституционный Суд скорректировал указанное толкование, требуя соотнесения домашнего ареста с нормативной возможностью лишения свободы.

Рассматриваемое дело также отражает развитие законодательства после поправок 2011 г. (Федеральный закон № 420-ФЗ), устранивших неопределенность сроков домашнего ареста, но выявляет новую проблему – недостаточную дифференциацию мер пресечения для преступлений небольшой тяжести. Конституционный Суд указал на возможность законодателя усилить гуманизацию законодательства, например, шире используя альтернативные меры, такие как обязательные работы или ограничение свободы, чтобы избежать излишних ограничений свободы.

Таким образом, постановление закрепляет строгие критерии для применения домашнего ареста, что способствует предотвращению его необоснованного использования, особенно в делах о преступлениях небольшой тяжести [27].

Также, ст. 99 УПК РФ содержит важное положение, касающееся подозреваемых и обвиняемых, на которых распространяются правила, установленные частью 1.1 ст. 108 УПК РФ. Данная часть касается предпринимателей или лиц, которые выполняют функции по управлению организациями. При избрании меры пресечения в таких случаях суд обязан рассмотреть возможность выбора такой меры, которая не будет препятствовать продолжению их предпринимательской или управленческой деятельности [45].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения, в том числе домашнем аресте» также указаны отдельные особенности избрания и применения домашнего ареста, в том числе касательно применения технических средств контроля за соблюдением условий домашнего ареста,

условий рассмотрения ходатайства об избрании домашнего ареста. В то же время в Постановлении указано, что решение суда должно содержать конкретное обоснование необходимости применения домашнего ареста, а также указание на невозможность применения иных мер. Если суд считает, что домашний арест избыточен, он вправе избрать менее строгую меру пресечения, например, залог или запрет определенных действий [28].

Ст. 100 УПК РФ регламентирует порядок избрания меры пресечения в отношении подозреваемого. Мера пресечения может быть применена только в исключительных случаях, если существуют основания, указанные в ст. 97 УПК РФ, и при учете обстоятельств из ст. 99 УПК РФ.

Так, согласно содержанию Приговора от 13 декабря 2016 г. по делу № 1-57/2016, в рамках уголовного дела в отношении гражданина <ФИО2>, обвиняемого по ст. 319 УК РФ.

Суть уголовного дела заключается в обвинении гражданина в публичном оскорблении представителя власти при исполнении им должностных обязанностей, предусмотренном статьей 319 УК РФ, что является преступлением небольшой тяжести с максимальным наказанием до одного года исправительных работ. Инцидент произошел 7 сентября 2016 г. около 12 часов в фойе отдела полиции Яльчикского района. Подсудимый, находясь в состоянии алкогольного опьянения и будучи доставленным в отдел полиции для составления протокола об административном правонарушении (по части 1 статьи 20.1 КоАП РФ за мелкое хулиганство), выразил недовольство действиями сотрудников полиции. В присутствии граждан и других полицейских он публично оскорбил участкового уполномоченного полиции, находившегося в форменном обмундировании и при исполнении обязанностей, используя нецензурные выражения, унизившие честь и достоинство потерпевшей. Подсудимый признал вину, раскаялся, но отказался от дачи показаний, ссылаясь на статью 51 Конституции РФ. Суд установил его виновность на основании показаний потерпевшей, свидетелей и письменных доказательств, включая рапорт, выписку из приказа о назначении

потерпевшей, должностной регламент и постановление об административном правонарушении.

«В данном деле показано применение домашнего ареста в ситуации, когда подсудимый уклоняется от следствия, нарушая более мягкую меру пресечения. Выбор этой меры был обусловлен необходимостью обеспечить явку подсудимого в суд, учитывая его поведение (нарушение подписки о невыезде) и характер преступления, не связанного с насилием, но совершенного в состоянии алкогольного опьянения, что стало отягчающим обстоятельством. В данном случае домашний арест используется как промежуточная мера, более строгая, чем подписка о невыезде, но менее суровая, чем заключение под стражу, что соответствует статье 107 УПК РФ, требующей избрания домашнего ареста при невозможности применения более мягкой меры.

Согласно материалам дела, <ФИО2> находился под домашним арестом в течение 6 дней до момента рассмотрения дела судом. Суд учёл этот срок при назначении наказания, что соответствует ч. 5 ст. 72 УК РФ. Время нахождения под домашним арестом засчитывается в срок основного наказания, что является мерой смягчения. После вынесения приговора суд отменил меру пресечения в виде домашнего ареста, так как цель этой меры пресечения была достигнута: подсудимый предстал перед судом и его виновность была установлена» [32].

Таким образом, можно сделать вывод, что домашний арест является эффективной мерой для обеспечения явки подсудимого в случаях, когда более мягкие меры, такие как подписка о невыезде, оказываются недостаточными, но заключение под стражу избыточно.

Ключевым требованием также является предъявление обвинения подозреваемому в течение 10 суток с момента применения меры пресечения. Если подозреваемый задержан и заключен под стражу, этот срок начинает отсчитываться с момента задержания. Если обвинение не предъявляется в установленный срок, мера пресечения подлежит немедленной отмене, кроме

случаев, предусмотренных частью второй статьи. Положения статьи обеспечивает соблюдение прав подозреваемого, ограничивая применение мер пресечения без предъявления обвинения и устанавливая конкретные сроки для их обоснования.

Применительно к домашнему аресту основания избрания меры пресечения не выделяются отдельно от общих мер пресечения. Однако для избрания именно домашнего ареста важны два аспекта:

- необходимость изоляции обвиняемого от общества для предотвращения наступления негативных последствий;
- невозможность применения более мягких мер пресечения.

Степень вероятности наступления указанных последствий должна быть объективно обоснована и подтверждена анализом доказательств.

Стоит отметить, что в следственной практике широко распространены случаи, когда следователями доказательства, являющиеся основаниями избрания меры пресечения судом, должным образом не собираются и не оцениваются. И.М. Горбатых в своем исследовании приводит пример, как «9 февраля 2021 г. следователь СО МО МВД России «Благовещенский» Амурской области обратилась в Благовещенский городской суд с ходатайством об изменении меры пресечения обвиняемому М. с заключения под стражу на домашний арест, которое судом удовлетворено. Впоследствии обвиняемый совершил более тяжкое преступление» [10].

Также рассмотрено постановление Благовещенского районного суда Амурской области по делу № 3/3-6/2021 в котором суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя об изменении меры пресечения с заключения под стражу на домашний арест в отношении обвиняемого. Данный случай показывает строгий подход суда к оценке обоснованности таких ходатайств, подчеркивая необходимость четкой мотивировки и соблюдения процессуальных требований, закрепленных в ст. 107 УПК РФ.

Дело связано с обвинением гражданина (далее - ФИО1) в совершении кражи с незаконным проникновением в жилище, квалифицированной по

пункту «а» части 3 статьи 158 УК РФ, что является преступлением средней тяжести с максимальным наказанием до семи лет лишения свободы. Преступление произошло в период с 14:00 10 февраля 2021 г. по 06:30 11 февраля 2021 г., когда ФИО1, проникнув в жилой дом в Благовещенском районе, похитил продукты питания на сумму 2 500 рублей и деньги на сумму 2000 рублей, причинив потерпевшему ущерб на 4 500 рублей. Уголовное дело было возбуждено 11 февраля 2021 г., в тот же день ФИО1 был задержан в порядке статьи 91 УПК РФ и обвинен. «13 февраля 2021 г. суд избрал в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу на два месяца, до 12 апреля 2021 года. Вина обвиняемого подтверждалась показаниями потерпевшего, свидетеля, протоколами осмотра места происшествия и другими материалами дела.

Следователь ходатайствовал об изменении меры пресечения на домашний арест, мотивируя это тем, что ФИО1 способствовал раскрытию преступления, дал признательные показания, раскаялся, что, по мнению следствия, снижает его общественную опасность. Также указывалось, что домашний арест обеспечит производство по делу, исключив ненадлежащее поведение или сокрытие обвиняемого» [25]. Однако суд отказал в удовлетворении ходатайства, отметив его немотивированность в том, что следователь не указал, какие следственные действия требуют домашнего ареста, не предоставил адрес и правоустанавливающие документы на жилое помещение, а также не определил конкретные ограничения для обвиняемого. Кроме того, суд учел, что предварительное следствие не завершено, а времени для проведения следственных действий с момента избрания заключения под стражу было достаточно.

В данном деле следствие стремится смягчить меру пресечения, но не предоставляет достаточных оснований для такого изменения. Выбор заключения под стражу изначально был обусловлен тяжестью преступления, наличием у обвиняемого непогашенной судимости (условное осуждение за кражу по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ от 2018 г.), отсутствием

трудоустройства и риском уклонения. Ходатайство о домашнем аресте отражало попытку учесть сотрудничество обвиняемого со следствием, но суд счел доводы недостаточными, подчеркивая необходимость строгого соблюдения процессуальных норм. Суд руководствовался частью 1 статьи 107 УПК РФ, требующей избрания домашнего ареста при невозможности применения более мягкой меры и наличия судебного решения, а также статьей 110 УПК РФ, допускающей изменение меры пресечения при изменении оснований, предусмотренных статьями 97 и 99 УПК РФ. Отказ в удовлетворении ходатайства подчеркивает, что изменение меры пресечения на домашний арест требует четкой мотивировки, включая указание конкретных следственных действий, невозможных без изоляции, адреса проживания и предполагаемых ограничений [25].

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает особый порядок применения мер пресечения к несовершеннолетним, учитывая их уязвимое положение и необходимость обеспечения дополнительных гарантий в ходе уголовного производства. Анализ законодательных положений и судебной практики позволяет выделить ключевые аспекты такого выбора.

Во-первых, «домашний арест может быть применён к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому только в исключительных случаях, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, что подчёркивает значимость минимизации вмешательства в права несовершеннолетнего, если менее строгая мера пресечения может быть достаточной для достижения целей уголовного судопроизводства» [19].

Во-вторых, в соответствии с требованиями ст. 107 УПК РФ, домашний арест предполагает изоляцию несовершеннолетнего в жилом помещении, где он проживает на законных основаниях. При этом суд обязан учитывать:

- возраст несовершеннолетнего;
- условия его жизни и воспитания;
- особенности личности и поведение в обществе;

- влияние старших по возрасту лиц, включая родителей или других законных представителей, с которыми он проживает.

«Кроме того, перед принятием решения об избрании домашнего ареста суд обязан рассмотреть возможность применения менее строгих мер пресечения, таких как передача несовершеннолетнего под присмотр родителей, опекунов, попечителей или должностных лиц специализированных учреждений» [19].

В заключении пункта сделан вывод, что домашний арест как мера пресечения является важным инструментом обеспечения целей уголовного процесса, позволяя ограничить свободу обвиняемого при минимальном вмешательстве в его права. Его применение требует строгого соблюдения оснований и условий, предусмотренных УПК РФ, а также учета специфики каждого конкретного дела.

2.2 Процессуальный порядок избрания, продления и отмены домашнего ареста

Избрание, продление и отмена домашнего ареста регулируются положениями УПК РФ и этот процесс включает несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности.

Анализ различных подходов авторов к процессуальному порядку избрания домашнего ареста показывает, что каждый из них выделяет ключевые этапы, однако ни один из них не является полностью исчерпывающим. Далее рассмотрены более детально каждый из них.

О.Г. Иванова выделяет три основных этапа, так как «подготовительный, на котором осуществляется подготовка материалов и их согласование, этап ознакомления стороны защиты с материалами, а также судебное разбирательство» [14, с.76].

Ю.Г. Овчинников, в свою очередь, расширяет этот процесс, выделяя дополнительные этапы, такие как «вынесение постановления о возбуждении

ходатайства и решение о перечне документов, подтверждающих обоснованность ходатайства» [22, с. 89], что добавляет больший уровень детализации, особенно в части подготовки материалов и формальных процедур и позволяет сделать процесс более структурированным и понятным.

Следующий подход, предложенный Е.В. Токаревой и В.С. Хорошевой, также выделяет несколько этапов, включая обжалование решения об избрании меры пресечения. Данное дополнение важным образом расширяет понимание процесса, ведь возможность обжалования решения является важным правом подозреваемого или обвиняемого, что позволяет учитывать дополнительную правовую защиту на этом этапе [43, с. 96].

Тем не менее, И.М. Горбатов придерживается более упрощенной позиции, разделяя процесс на два этапа: «досудебный и судебный, исключая апелляционное обжалование, что делает процесс менее сложным, но также ограничивает возможности для правового контроля после принятия решения судом первой инстанции» [10].

Наконец, В.А. Светочев представляет наиболее детализированную и полную модель, которая включает четыре этапа: «обоснование необходимости избрания домашнего ареста, согласование принятого решения, оформление доказательств и судебное рассмотрение» [38, с. 58]. Такой подход позволяет более глубоко понимать весь процесс, начиная с формирования и обоснования решения и заканчивая его судебным разбирательством.

Анализ подходов представленных авторов позволяет выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, процесс избрания домашнего ареста включает как подготовительные, так и судебные этапы, что подчеркивает его многоуровневость. Во-вторых, этап обжалования, который присутствует в некоторых подходах, важен для обеспечения прав обвиняемых на пересмотр решений.

Между тем, И.М. Горбатов выделяет следующие основные элементы досудебного этапа избрания домашнего ареста:

- «принятие решения о возбуждении уголовного дела;

- анализ следственной ситуации;
- сбор и анализ доказательств, устанавливающих наличие общих и специальных оснований и условий избрания домашнего ареста;
- установление места исполнения домашнего ареста и его соответствия предъявляемым требованиям;
- определение формы (режима) исполнения домашнего ареста и перечня дополнительных ограничений;
- получение согласия лиц, проживающих совместно с обвиняемым или подозреваемым;
- выяснение вопросов жизнеобеспечения обвиняемого или подозреваемого;
- подготовка постановления об избрании меры пресечения;
- подготовка прилагаемых к постановлению материалов;
- согласование принятого решения с руководителем следственного органа и прокурором;
- направление материалов в суд» [10].

Важным этапом является судебное заседание, в котором непосредственно решается вопрос об избрании меры пресечения.

В ч. 1 ст. 107 указано, что домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение [45].

«В ходе рассмотрения ходатайства суд оценивает все обстоятельства, включая тяжесть преступления, личность подозреваемого или обвиняемого, его поведение и возможность выполнения меры пресечения. В случае

удовлетворения ходатайства суд выносит постановление о применении домашнего ареста. В случае отказа судья вправе самостоятельно избрать другую меру пресечения, например, залог или запрет определенных действий, при наличии оснований, предусмотренных статьями 97 и 99 УПК РФ» [38, с. 58].

«Если суд решает применить домашний арест, то он обязан в своем постановлении указать условия исполнения этой меры пресечения, что включает в себя следующие ключевые моменты:

- место, где обвиняемый или подозреваемый будет находиться (обычно это его жилое помещение или иное помещение, которое может быть использовано для исполнения этой меры);
- запрещенные действия (например, выход из дома, общение с определенными людьми или посещение определенных мест);
- способы связи с контролирующими органами (например, телефония, электронная почта)» [38, с. 58].

Согласно Постановлению Пленума ВС «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», суд вправе определить лицу для нахождения только такое жилое помещение, в котором оно проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (часть 1 статьи 107 УПК РФ). В связи с этим суду необходимо проверять основания проживания подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении, нахождение в котором предполагается в случае избрания в отношении его меры пресечения в виде домашнего ареста. Например, при проживании лица в жилом помещении по договору найма следует проверить наличие договора найма жилого помещения, соответствующего требованиям Гражданского кодекса Российской Федерации и Жилищного кодекса Российской Федерации, а также срок действия договора; в случае временной регистрации лица на территории Российской Федерации надлежит проверить соответствие места регистрации месту проживания лица, а также срок действия регистрации [28].

При этом И.М Горбрых отмечает, что «существенным признаком домашнего ареста является место его исполнения. В этой связи складывается проблемная ситуация, связанная с получением согласия совместно проживающих с обвиняемым (подозреваемым) лиц. На наш взгляд, получение такого согласия должно быть обязательным [6, с. 62]. Кроме того, необходим действенный механизм контроля, позволяющий корректировать возможное противоправное поведение совместно проживающих лиц. Так, в большинстве случаев совместно проживающие лица являются близкими родственниками обвиняемых и подозреваемых и могут оказывать им помощь в сокрытии следов преступления, а также в нарушении режима применения домашнего ареста и возложенных запретов. Результаты анкетирования установлено, что 56% респондентов указали на необходимость наложения отдельных запретов на совместно проживающих с обвиняемым лиц, в том числе: 44% высказались за запрет общаться с определенными людьми, 47,3% - за запрет принимать у себя некоторых лиц, 29,3% - за ограничения пользования ресурсами информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [10].

Части 2 и 2.1 ст. 107 УПК РФ регулируют сроки домашнего ареста. Домашний арест избирается на срок до двух месяцев с момента вынесения судебного решения. Если следствие не может быть завершено в течение этого срока, арест может быть продлен по решению суда в соответствии с порядком, установленным статьей 109 УПК РФ. Продление срока домашнего ареста осуществляется судом по представлению следователя или дознавателя с учетом необходимости продолжения изоляции подозреваемого или обвиняемого. Совокупный срок домашнего ареста и содержания под стражей не должен превышать предельных сроков, установленных статьей 109 УПК РФ. Время, проведенное под домашним арестом, засчитывается в срок заключения под стражей [45].

«Примером является дело № 1-58/2016-142. Согласно Приговору от 6 июня 2016 г., домашний арест был применен в качестве меры пресечения в отношении Михайлова М.В. на стадии предварительного следствия, что

соответствует положениям статьи 107 УПК РФ. Суд указал, что Михайлов М.В. находился под домашним арестом в период с 16 марта 2016 года по 6 июня 2016 года. Данный срок составил почти три месяца. Домашний арест был избран в рамках предельных сроков, установленных статьями 107 и 109 УПК РФ, с возможностью его продления по решению суда. В соответствии с частью 3 статьи 72 УК РФ, а также пунктом 2.1 статьи 107 УПК РФ, время нахождения под домашним арестом было зачтено в срок исправительных работ в соотношении один день домашнего ареста за три дня исправительных работ» [31]. Данный подход соответствует принципу компенсации ограничений свободы, которые накладываются на лицо при нахождении под домашним арестом. В материалах приговора отражено, что во время домашнего ареста Михайлов М.В. соблюдал установленные судом ограничения, что позволило учесть данный срок в полном объеме при назначении окончательного наказания. В данном деле суд использовал законодательные механизмы для обеспечения прав обвиняемого, учтя ограничения, наложенные на него в период домашнего ареста. Таким образом, срок домашнего ареста строго ограничен и подлежит контролю судом, что исключает неоправданное затягивание применения этой меры [31].

Часть 3 ст. 107 УПК РФ уточняет, что домашний арест применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого, если суд признает это необходимым, с учетом всех обстоятельств дела и наличия достаточных оснований для применения данной меры.

«Домашний арест может быть отменен, если меняются обстоятельства, по которым он был первоначально установлен. Основаниями отмены меры пресечения являются:

- признание незаконным или необоснованным первоначального решения об избрании меры пресечения;
- отпадение необходимости в ее применении;
- отпадение общих условий для применения меры пресечения (ст. 110 УПК РФ)» [45].

Важно, что постановление об отмене домашнего ареста также подлежит немедленному исполнению.

Стоит отметить в заключении пункта, что Верховный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно подчеркивал необходимость соблюдения баланса между правами подозреваемого (обвиняемого) и общественными интересами [29]. При этом практика показывает, что суды часто отказывают в избрании домашнего ареста при отсутствии четких доказательств необходимости применения данной меры.

2.3 Характер и объём ограничений и запретов, назначаемых при применении домашнего ареста

В научной литературе существует ряд различных подходов к определению ограничений и запретов при применении домашнего ареста. Одним из основных аспектов является различие между понятием ограничение и запрет. Запрет, по мнению В.А. Светочева, представляет собой более жёсткую меру, которая полностью лишает лицо возможности совершать определённые действия. В отличие от запрета, ограничение позволяет лицу совершать действия в пределах установленной рамки, при этом с учётом определённых условий или обстоятельств [37, с. 17]. Данная классификация помогает различать степень воздействия на личность обвиняемого, обеспечивая более гибкую практику применения домашнего ареста.

Многие учёные, включая И.М. Горбатов, подчеркивают важность различия между домашним арестом с полной изоляцией и домашним арестом с ограничением свободы передвижения и общения. Различие заключается в степени свободы, которая предоставляется обвиняемому [9, с. 58]. Также многими учеными поднимается вопрос о необходимости дальнейшего уточнения норм, регулирующих эти ограничения, а также о добавлении возможности для судов вводить дополнительные запреты для большей индивидуализации меры пресечения.

Некоторые авторы, например, Д.А. Воронов, предлагают более строгую регламентацию, утверждая, что «домашний арест должен запрещать выход за пределы жилого помещения, а все другие ограничения, такие как запрет на общение или использование связи, могут быть осуществлены с помощью электронного контроля» [7].

«При назначении домашнего ареста суд может наложить на подозреваемого или обвиняемого различные ограничения и запреты, которые могут значительно варьироваться в зависимости от характера и тяжести обвинения» [7]. Согласно статье 105.1 УПК РФ, суд вправе установить следующие виды ограничений:

- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [45].

Авторы М.Ю. Павлик, Е.В. Токарева, О.Р. Шепелева отмечают, что «ранее законодатель однозначно определял, что ограничения связаны со свободой перемещения, а к запретам относятся контакты с определенными лицами, получение и отправка корреспонденции, а также проведение переговоров с использованием других средств связи. Соответственно в предыдущей редакции УПК РФ был предусмотрен более строгий перечень именно запретов. Следовательно, в настоящее время суд может по всем

предусмотренным ограничениям принять процессуальное решение только об ограничении, а не о запрете осуществлять определенную деятельность. Вместе с тем, на наш взгляд, можно считать удачным указание на то, что относительно выхода из жилого помещения законодатель предусмотрел возможность именно запрета, а не только ограничения передвижения, поскольку по смыслу данной меры пресечения следовало бы запретить в целом покидать жилище, иначе домашний арест превращается в другую меру пресечения, например, в подписку о невыезде с дополнительными запретами и ограничениями» [24].

Между тем, суд при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста обязан решить вопрос о возможности лица, осуществлять прогулки (в соответствии с ч.3 ст.7 Конституции РФ «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь»).

«Вместе с тем Постановление Пленума Верховного суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», устанавливая возможность покидать жилое помещение для прогулок, для посещения учебного учреждения и суда, должен определить, в какие периоды дня и сколько по продолжительности могут занимать данные действия. Представляется, что такое положение даёт суду возможность довольно расширительно толковать указанное положение, т. е. по усмотрению суда прогулки могут занимать как, например, 1 час в день, так и, допустим, 3-4 часа» [24].

«В соответствии с практикой применения данной меры пресечения суд часто указывают на запрет «покидать без разрешения органов следствия и суда постоянное место жительства, кроме случаев посещения медицинских учреждений по медицинским показателям, ближайшего к месту жительства продовольственного магазина, правоохранительных органов, прокуратуры и суда по повесткам», т. е. в постановлении суда не определено время посещения данных мест. Иначе говоря, лицо, к примеру, могло бы находиться вне места реализации меры пресечения более двух часов, мотивируя это нахождением в магазине или медицинском учреждении. Суд может в итоге не устанавливать

строгих ограничений по времени и определить промежутки, в течение которых лицо может покидать жилое помещение» [24].

Ограничения, касающиеся общения с определёнными лицами, являются важной составляющей меры пресечения, как домашний арест. Одной из причин введения таких запретов является защита от возможных угроз и вмешательства в ход уголовного процесса. Например, обвиняемые могут попытаться установить контакт с другими участниками процесса, передать запрещённую информацию или взаимодействовать с соучастниками преступления, что может повлиять на расследование и исход дела.

В.В. Климов подчёркивает необходимость конкретизации в постановлении о домашнем аресте перечня лиц, с которыми обвиняемому запрещено общаться. Он справедливо отмечает, что «запрет на общение с людьми, ведущими аморальный образ жизни или имеющими криминальное прошлое, может быть неэффективным, что связано с трудностями, возникающими при контроле за исполнением такого запрета, а также с отсутствием чётких критериев для определения того, кто должен попасть под запрет общения» [16].

Существует разногласие в судебной практике относительно того, кто должен подпадать под этот запрет. Некоторые суды принимают более жёсткое решение и вводят полный запрет на общение с другими людьми, за исключением близких родственников. Такой подход может быть оправдан необходимостью усиленной защиты от возможных вмешательств в ход расследования, однако он также создаёт риски ограничения прав обвиняемого, особенно в контексте их социальных нужд и поддержки со стороны окружения.

В зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам, указанным в части седьмой настоящей статьи, либо некоторым из них. Запреты могут быть изменены судом по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, его защитника, законного представителя, а также

следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело.

В то же время подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, со следователем. О каждом таком звонке подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган [45].

«Следующим ограничением является получение и отправление почтово-телеграфной корреспонденции. Федеральным законом от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» регулируются общественные отношения в сфере почтовых и телеграфных отправлений. В данном нормативно-правовом акте указано, что под почтовым отправлением понимается адресованная письменная корреспонденция, посылки, прямые почтовые контейнеры. Под письменной корреспонденцией подразумеваются простые и регистрируемые письма, почтовые карточки, секограммы, бандероли и мелкие пакеты. Термин «телеграфное отправление» или сообщение не предусмотрен законодателем» [24].

«Ограничения на использование Интернета в рамках домашнего ареста являются достаточно спорным элементом меры пресечения. Проблема возникает, когда суды не конкретизируют, какие именно действия или ресурсы находятся под запретом. В некоторых случаях суд просто указывает на ограничение в использовании Интернета, но не уточняет, какие именно действия запрещаются, что приводит к неопределённости в исполнении решения и трудности в контроле за соблюдением ограничения. В таких ситуациях возникает вопрос: предполагает ли это полный запрет на доступ в Интернет или же ограничения на определённые действия в сети?» [15, с. 83].

А.В. Квык поднимает важный вопрос относительно трудности контроля за выполнением таких запретов, особенно с учётом развития беспроводных

технологий (Wi-Fi). «Поскольку Wi-Fi позволяет подключаться к Интернету из любой точки помещения, где может находиться человек под домашним арестом, становится невозможным полностью контролировать использование Интернета без специализированных технических средств» [15, с. 83].

Кроме того, для обеспечения контроля за соблюдением ограничений на использование Интернета и отправку почтово-телеграфных отправлений, важно, чтобы органы, ответственные за исполнение меры пресечения, имели полномочия для получения соответствующей информации о действиях обвиняемого. Однако, согласно законодательству, ФСИН не обладает такими полномочиями, что ограничивает эффективность контроля.

Объём ограничений и запретов, назначаемых при домашнем аресте, должен соответствовать тяжести обвинения, личности обвиняемого и особенностям конкретного дела. Например, в случае обвинения в тяжких или особо тяжких преступлениях могут быть введены более строгие ограничения, чем в случае преступлений небольшой или средней тяжести. Это также зависит от поведения обвиняемого: если он сотрудничает с расследованием, даёт признательные показания или оказывает содействие в расследовании, суд может назначить более мягкие условия.

Кроме того, суд должен учитывать смягчающие обстоятельства, такие как состояние здоровья обвиняемого, его семейное положение, наличие у него на иждивении несовершеннолетних детей или других лиц, требующих ухода. Если обвиняемый серьёзно болен, суд может ограничиться менее строгими мерами контроля.

Процедура осуществления контроля за исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста включает в себя широкий перечень действий, которые осуществляются уголовно-исполнительной инспекцией, подведомственной ФСИН РФ.

Ю.В. Царева отмечает, что «в ряде случаев лицо, в производстве которого находится уголовное дело, косвенно оказывается вовлеченным в процедуру контроля. Как правило, это связано со случаями нарушения

подозреваемым (обвиняемым) условий домашнего ареста, о которых следователя незамедлительно уведомляют сотрудники Инспекции [48]. Тогда следователь может инициировать изменение данной меры пресечения на более строгую, что регламентируется Постановлением Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля.», которое утверждает и правила применения указанных средств» [30].

«Контроль за режимом содержания лица под домашним арестом осуществляется ФСИН РФ с использованием различных методов и средств. Во-первых, она уполномочена применять аудиовизуальные, электронные и другие технические средства для контроля, что позволяет эффективно отслеживать соблюдение установленных судом условий. Во-вторых, обязана проводить проверки подозреваемого или обвиняемого не реже двух раз в неделю. Однако, если используются технические средства контроля, частота проверок увеличивается до одного раза в неделю. Кроме того, ФСИН РФ занимается сбором информации, которая необходима для обеспечения выполнения судом установленных запретов» [30].

В случае выявления нарушений при домашнем аресте, должны приниматься меры реагирования, что может включать изменения меры пресечения или другие действия в соответствии с законодательством. Все эти меры направлены на поддержание строгого контроля за подозреваемыми или обвиняемыми, обеспечивая соблюдение условий домашнего ареста и предотвращение возможных нарушений.

В заключении главы исследования сделан вывод, что домашний арест может быть применён только при наличии доказанных оснований.

Суд обязан учитывать не только тяжесть преступления, но и индивидуальные особенности обвиняемого при принятии решения о применении домашнего ареста. Например, в случае обвинения в тяжких или особо тяжких преступлениях могут быть введены более строгие ограничения, чем в случае преступлений небольшой или средней тяжести, что также зависит

от поведения обвиняемого: если он сотрудничает с расследованием, даёт признательные показания или оказывает содействие в расследовании, суд может назначить более мягкие условия.

Кроме того, суд должен учитывать смягчающие обстоятельства. Если обвиняемый серьёзно болен, суд может ограничиться менее строгими мерами контроля.

В случае выявления нарушений при домашнем аресте, должны приниматься меры реагирования, что может включать изменения меры пресечения или другие действия в соответствии с законодательством.

Таким образом, процессуальный порядок и условия применения домашнего ареста должны быть более чётко регламентированы, а ограничения и запреты более ясно прописаны в судебных актах.

Глава 3 Проблемы применения домашнего ареста в качестве меры пресечения и пути их решения

Применение домашнего ареста связано с рядом проблем, которые влияют на эффективность и справедливость этого процесса.

«В условиях специальной военной операции актуальным трендом уголовной политики является гуманизация принуждения в отношении отдельных категорий граждан, а также в экономической сфере и предпринимательстве. Складывающиеся обстоятельства требуют оптимизации правовых средств принуждения, в том числе путем расширения практики применения альтернативных мер пресечения, особое место среди которых занимает домашний арест. Вместе с тем анализ статистических данных все же не позволяет рассматривать домашний арест как реальную альтернативу заключению под стражу: достигнув пиковых значений в 2020-2022 гг., удельный вес домашних арестов среди мер пресечения, избираемых судом, так и не преодолел порог в 11,0% -11,2%» [10].

В результате анализа текущей практики применения домашнего ареста как меры пресечения выявлены несколько ключевых проблем, которые препятствуют его эффективному использованию в российской судебной системе. Данные проблемы можно разделить на четыре основные группы: доктринальную, юридическую, организационную и технологическую. Они оказывают влияние на процесс применения домашнего ареста, ограничивая его реальное использование как альтернативы заключению под стражу.

«К доктринальным и юридическим проблемам можно отнести то, что существующие подходы к процессуальному порядку избрания домашнего ареста не всегда позволяют учитывать все аспекты, необходимые для его эффективного применения. Как правило, процессы, связанные с домашним арестом, имеют несколько этапов, от которых зависит конечное решение суда: от подготовительного этапа, через судебное разбирательство, до обжалования и исполнения постановлений. Однако в законодательстве и практике

судебного контроля отсутствует чёткое регулирование всех этапов, в частности, процессуальная форма применения и согласование действий между органами следствия и суда» [10].

Одна из главных проблем применения домашнего ареста заключается также в неопределённости и неполноте формулировок запретов и ограничений, которые накладываются на обвиняемого. Законодательство предоставляет суду широкие полномочия для установления условий домашнего ареста, однако на практике суды часто не указывают чётко, какие конкретно действия подлежат запрету, например, в случае использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Некоторые суды назначают домашний арест без явного указания на возможные ограничения, что порождает неопределённость в их исполнении.

Также в ряде случаев домашний арест ограничивает общение обвиняемого с определёнными людьми, что должно исключать возможность давления на свидетелей, сговор с соучастниками и нарушение хода расследования. Но суды не всегда точно указывают, с кем запрещено общаться, и в каких условиях.

Для решения перечисленных проблем необходимо конкретизировать процессуальные нормы, чтобы гарантировать, что постановления суда будут содержать полный перечень ограничений, а также чётко прописывать механизм контроля за их исполнением. Данные уточнения должны касаться чёткого указания на виды запретов, таких как ограничение общения, запрет на использование Интернета и других технологий.

Здесь также стоит отметить, что внесенные изменения в УПК РФ в 2018 г. касательно домашнего ареста как меры пресечения привели к некоторой неопределённости в правоприменении, что отмечается многими исследователями. Домашний арест, который раньше был более самостоятельной и ограниченной мерой, теперь стал частью более широкой системы, включающей и запреты, свойственные другим мерам пресечения, что порождает правовую путаницу и неопределённость при правоприменении.

Конкретно в ст. 107 УПК РФ, где описан домашний арест, больше не содержится четких указаний относительно конкретных запретов, что приводит к возникновению множества интерпретаций в судебной практике. Многими исследователями предлагается вернуть более четкую регламентацию запретов и ограничений, которые могут быть применены при домашнем аресте, чтобы эта мера оставалась самостоятельной и не смешивалась с другими мерами пресечения. Такое обновление позволит избежать путаницы в правоприменении и обеспечит большую эффективность системы. Конкретно, важно отделить меры, связанные с домашним арестом. Законодатель должен вновь очертить круг запретов, которые можно наложить исключительно при применении домашнего ареста, чтобы предотвратить путаницу при выборе ограничений [10].

Организационные проблемы заключаются в недостаточной подготовке и координации между органами следствия, судами и другими участниками уголовного процесса. На практике суды часто не получают полной и достоверной информации о возможностях применения домашнего ареста. «Одна из проблем заключается в неразрешенности ряда вопросов, касающихся соотношения объемов и границ процессуального контроля прокурора, руководителя следственного органа, а также начальника органа дознания. В частности, существует неопределенность относительно того, в какой степени прокурор и другие уполномоченные лица могут влиять на решение о применении домашнего ареста и на его процессуальные этапы. Согласно текущему законодательству, согласование ходатайства об избрании домашнего ареста между следственными органами и прокурором на стадии предварительного расследования не всегда четко регулируется. На практике это приводит к тому, что прокурор не всегда вовлечен в процесс до того, как дело поступает в суд, хотя его участие является необходимым» [10].

Вместе с тем, прокурор должен участвовать в суде при рассмотрении ходатайства, но процесс согласования ходатайства с прокурором не всегда должным образом регулируется на стадии предварительного следствия, что

создаёт правовую неопределенность и может привести к ситуации, когда прокурор высказывает возражения, что в свою очередь может стать причиной отказа суда в избрании домашнего ареста.

Также на текущий момент, несмотря на наличие норм, регулирующих полномочия прокурора в отношении следственных действий и контроля, существует пробел в законодательстве, который не определяет ясных границ полномочий для прокурора при согласовании решения об избрании домашнего ареста.

«Для решения указанной проблемы рекомендуется:

- внести изменения в статьи УПК РФ (п. 5 ч. 2 ст. 37 и ч. 3 ст. 108), чтобы процесс согласования решения об избрании домашнего ареста с прокурором был обязательно предусмотрен не только для дел, находящихся в производстве дознания, но и для дел предварительного следствия;
- определить четкие правила согласования. Прокурор должен быть вовлечен в процесс принятия решения о домашнем аресте на всех этапах расследования, а также при рассмотрении ходатайства судом;
- необходимо точно определить полномочия прокурора и следственных органов, чтобы избежать ситуации, в которой прокурор может не иметь возможности влиять на процесс до того, как решение о мере пресечения будет передано в суд. Для этого необходимо внести изменения в действующие процедурные нормы, установив более строгие и прозрачные требования к согласованию всех решений о домашнем аресте» [10].

Также необходимо обратить внимание на проблему недостаточной систематизации и неполноты перечня материалов, которые должны прилагаться к постановлению о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Текущие требования УПК РФ и Постановления Пленума Верховного Суда № 41 от 19.12.2013 г. содержат перечень документов, но он недостаточно систематизирован, что затрудняет

четкость и полноту процесса принятия решения об избрании этой меры пресечения. В постановлении суда не всегда указываются все необходимые документы, которые подтверждают основания для применения домашнего ареста, что может затруднить принятие обоснованного и справедливого решения. В отсутствие должной систематизации и полноты перечня материалов суд может не иметь всей информации, необходимой для того, чтобы сделать правильное решение относительно применения домашнего ареста.

Для решения указанной проблемы требуется систематизировать перечень документов, которые должны прилагаться к постановлению об избрании домашнего ареста. «Данные материалы можно разделить на четыре группы:

- документы, подтверждающие законность уголовного преследования (например, постановления о возбуждении уголовного дела, протоколы задержания, допросов и другие доказательства);
- документы, характеризующие личность обвиняемого (включая сведения о судимости, здоровье, материальном положении и возможностях для исполнения домашнего ареста);
- документы, подтверждающие наличие жилого помещения для домашнего ареста (включая характеристики жилья, сведения о совместно проживающих лицах и их мнении о применении домашнего ареста);
- документы, подтверждающие соблюдение прав всех вовлеченных лиц (например, права обвиняемого, потерпевших и свидетелей)» [16].

Каждый из этих документов должен быть собран и представлен в суд для обеспечения законности и обоснованности принятия решения, что поможет избежать ошибок и недоразумений, связанных с неполными или противоречивыми сведениями.

Необходимо также внести изменения в законодательство и практику, которые бы определяли обязательные требования к сбору и систематизации материалов, прилагаемых к постановлению о домашнем аресте.

«Также можно выделить проблему несоответствия сроков для подачи ходатайства об избрании меры пресечения и подготовки материалов. Согласно УПК РФ, ходатайство должно быть подано в суд не позднее, чем за 8 часов до истечения 48-часового срока задержания, что сокращает время для сбора и подготовки необходимых документов и затрудняет надлежащее представление доказательств и материалов, необходимых для обоснования избрания домашнего ареста» [10]. В связи с этим предлагается продлить сроки для подачи ходатайства и материалов в суд, а также повысить эффективность координации между следственными органами и судом для обеспечения достаточного времени на подготовку и рассмотрение ходатайств., что позволит улучшить процессуальную подготовленность и обеспечить более обоснованные решения.

В то же время на практике часто можно увидеть проблемы, возникающие в процессе контроля за соблюдением условий домашнего ареста. В момент, когда суд принимает решение о применении домашнего ареста, оно начинает действовать юридически с момента вынесения постановления. Однако фактически домашний арест начинается только с момента прибытия в жилое помещение и разъяснения условий под расписку обвиняемому (подозреваемому) органом уголовно-исполнительной инспекции. «Между этими моментами возникает пробел в контроле, поскольку на период между вынесением решения и первым визитом инспекции никто не контролирует соблюдение условий ареста, что создает риски, что обвиняемый или подозреваемый может нарушить установленные судом запреты, такие как ограничение общения, использование интернета, выход за пределы жилища и другие» [16].

Стоит также отметить, что копия судебного решения о применении домашнего ареста должна быть передана инспекции для начала работы по

обеспечению контроля. Однако неясность в порядке передачи копии решения и отсутствие четкой регламентации этого процесса приводит к тому, что копия судебного постановления может поступать в инспекцию с задержкой, особенно если это осуществляется через почту или другие неоперативные способы. Такой процесс, как правило, замедляет контроль за лицом, находящимся под домашним арестом, и увеличивает риск того, что подозреваемый или обвиняемый нарушит условия, пока инспекция не приступит к своей работе.

Данный организационный пробел требует четкой регламентации того, как должна действовать система контроля в этот промежуточный период. В процессе судебного разбирательства сотрудники инспекции могли бы сразу же после принятия решения суда начать подготовку к осуществлению контроля за соблюдением условий ареста. Однако в действующем законодательстве не предусмотрено обязательное присутствие сотрудников инспекции на этих заседаниях, что создает риск задержки исполнения решения. Для этого предлагается внести изменения, регламентируя обязательное участие сотрудников инспекции в судебных заседаниях, если подозреваемый (обвиняемый) участвует очно, что позволит не только сразу после вынесения постановления начать контроль за обвиняемым, но и обеспечит ускоренное исполнение постановлений суда без задержек, а также позволит избежать юридического вакуума между решением суда и фактическим исполнением меры пресечения. Нужно разработать промежуточные меры контроля, которые могут быть применены в момент между вынесением постановления и первым визитом инспекции. Возможно, это должно быть временное уведомление других органов или установление некоторых условных правил контроля, пока инспекция не приступит к своим обязательствам.

Также важно, чтобы копия постановления о домашнем аресте поступала инспекции немедленно, а для этого следует использовать современные методы связи, такие как электронная почта, факс или даже специализированные

информационные системы, чтобы минимизировать время, необходимое для передачи документов.

Технологические проблемы, в свою очередь, касаются недостаточной интеграции современных систем электронного мониторинга с судебной и следственной системами. Аудиовизуальные средства контроля, хотя и применяются, не могут полностью обеспечить надзор, особенно в условиях использования беспроводных сетей Wi-Fi, через которые обвиняемый может обходить ограничения. Кроме того, контроль за использованием Интернета также остаётся недостаточно эффективным. Многие системы контроля, такие как электронные браслеты, не всегда корректно фиксируют местоположение подозреваемого, что затрудняет контроль за выполнением условий домашнего ареста. Для решения данной проблемы следует активно внедрять более точные электронные средства контроля, такие как GPS-наблюдение и улучшенные системы отслеживания в реальном времени. Также важно совершенствовать практику мониторинга в режиме реального времени, используя современные технологии для контроля за лицами, находящимися под домашним арестом.

Также можно выделить проблему, которая существенно затрудняет процесс применения домашнего ареста и рассмотрения ходатайств о мере пресечения через дистанционные технологии. «Несмотря на легализацию дистанционного формата рассмотрения ходатайств с января 2023 г., потребность в его использовании возникла гораздо раньше, особенно в период ковидных ограничений. Проблема заключается в несогласованности технических возможностей, особенно в связи с использованием системы видео-конференц-связи государственной автоматизированной системы «Правосудие», которая установлена только в судах и учреждениях ФСИН России, что создает проблемы, так как система не интегрирована с каналами связи других органов уголовной юстиции, что в свою очередь приводит к необходимости использования оборудования, принадлежащего другим ведомствам, без должного координирования» [48]. Такое несогласованное использование технологий приводит к сбоям в работе и снижает

эффективность судопроизводства. Несмотря на внедрение видео-конференц-связи, взаимодействие между органами уголовного правосудия (суды, прокуратура, органы следствия) также еще не полностью налажено. Используемые системы не интегрированы должным образом, что приводит к отсутствию взаимного доступа и необходимости создавать дополнительные договоренности между органами для использования системы.

Чтобы устранить проблему несогласованности и недостаточной интеграции систем, предлагается создать единый регламент для всех органов уголовного правосудия. Для этого необходимо учесть опыт зарубежных стран, где уже реализованы эффективные системы видеоконференц-связи, интегрированные с различными государственными органами. Все ведомства, участвующие в процессе (суд, прокуратура, органы следствия), должны использовать единые каналы связи и оборудованные системы для видеоконференц-связи, что позволит сократить время на подготовку заседаний, повысить доступность правосудия и уменьшить количество технических сбоев. Также следует продолжить совершенствование законодательства в части дистанционного рассмотрения ходатайств, формализовать правила использования технологий, установить обязательства по их применению, что особенно важно для обеспечения справедливости и прозрачности судебного разбирательства, а также для защиты прав всех участников процесса, включая потерпевших, свидетелей и обвиняемых.

Здесь также стоит осветить проблему, связанную с использованием технических средств контроля при домашнем аресте, которая выражается в «отказе обвиняемых или лиц, проживающих с ними, от установки таких средств. В УПК РФ, а также в различных нормативных актах, связанных с домашним арестом, не прописан четкий порядок для случаев, когда подозреваемый или обвиняемый отказывается от применения электронных средств контроля» [48] (например, электронных браслетов или средств аудиовизуального мониторинга). В результате этого, ситуация остается

юридически неурегулированной, и часто возникает неопределенность относительно того, как следует поступать в таких случаях.

«Проблема отказа от установки технических средств контроля заключается также в том, что такой отказ прямо нарушает условия домашнего ареста, который предполагает использование таких средств для контроля за подозреваемым или обвиняемым. Отказ от этих средств затрудняет процесс контроля и может снизить эффективность всей системы домашнего ареста как меры пресечения» [48].

Также на практике проблема заключается в том, что, если лицо отказывается от использования технических средств, не всегда существует четкое понимание, что делать дальше, что требует немедленного реагирования со стороны правоохранительных органов, чтобы избежать потенциальных нарушений условий ареста.

Помимо отказа от установки, существуют случаи, когда технические средства контроля, такие как электронные браслеты или системы видеонаблюдения, повреждаются или теряют свою функциональность, что может происходить по разным причинам: от физических повреждений до технических сбоев, включая проблемы с батареей или сигналом. Нарушение функциональности этих устройств, например, из-за плохой связи с системой мониторинга или поломки, ставит под угрозу возможность эффективного контроля за лицом, находящимся под домашним арестом и создает дополнительные риски для безопасности и недостаточную эффективность меры пресечения, так как в такой ситуации появляется вероятность, что лицо может нарушить условия домашнего ареста, не будучи зафиксированным системой контроля [48].

В качестве решения перечисленных проблем необходимо закрепление правовой основы для отказа от применения средств контроля: Предлагается закрепить правовую основу для случаев, когда обвиняемый или подозреваемый отказывается от использования средств контроля. Необходимо установить четкие регламенты для таких ситуаций, где будет указано, что

отказ от установки технических средств контроля является основанием для изменения меры пресечения. Например, в случае отказа от применения электронных браслетов или аудиовизуальных систем, следователь должен инициировать изменение меры пресечения на более строгую – например, заключение под стражу. Таким образом, отказ от применения технических средств должен расцениваться как нарушение условий домашнего ареста, и следователь, получив информацию о таком отказе, обязан будет принять меры, включая замену меры пресечения на более жесткую, чтобы обеспечить соблюдение правил и обеспечить безопасность. Данное решение повысит эффективность контроля и минимизирует риски, связанные с нарушением условий ареста.

В случае, если технические средства контроля повреждены или не работают должным образом, необходимо оперативно реагировать. Предлагается разработать специальные процедуры для таких ситуаций, например, предусмотреть регламентированные действия для замены или ремонта поврежденного оборудования, что также должно быть обязательным для следователя и инспекции, чтобы минимизировать время, в течение которого обвиняемый может нарушать условия домашнего ареста из-за неисправности системы контроля. Важно, чтобы повреждение или неисправность технических средств фиксировались, и в таком случае была бы предусмотрена автоматическая замена устройства, а также контроль за исправностью нового устройства.

В ходе проведенного в данной главе исследования были выявлены ключевые проблемы, связанные применением домашнего ареста в качестве меры пресечения, а также предложены возможные направления их решения. Основные проблемы, которые были выделены, касаются как правовых, так и организационных и технических аспектов применения домашнего ареста, что усложняет его эффективное использование в уголовном процессе.

Решения этих проблем требуют комплексного подхода, включающего реализацию различных мероприятий. Прежде всего, необходимо уточнить

нормы Уголовно-процессуального кодекса, касающиеся применения домашнего ареста, чтобы устранить неопределенности и правовые коллизии, что касается, в первую очередь, вопросов, связанных с процессуальной формой избрания домашнего ареста, а также с его сочетанием с другими мерами пресечения. Изменения должны быть направлены на восстановление четкой регламентации запретов и ограничений, которые могут быть наложены при применении домашнего ареста, чтобы эта мера оставалась самостоятельной. Внесение изменений в процессуальные нормы позволит исключить правовую неопределенность и сделать процесс применения домашнего ареста более прозрачным и предсказуемым.

Важным элементом решения проблем является улучшение взаимодействия между органами, ответственными за контроль за соблюдением условий домашнего ареста, включая суд, следственные органы, прокуратуру и уголовно-исполнительную инспекцию. Для этого необходимо оптимизировать процесс получения и передачи судебных решений, чтобы инспекция могла немедленно приступить к контролю после вынесения решения судом. Также стоит улучшить организацию взаимодействия между органами контроля и следствием, обеспечив более оперативное реагирование на нарушения условий домашнего ареста, такие как отказ от установки средств контроля или повреждение технических устройств.

Технические средства контроля, такие как электронные браслеты и аудиовизуальные системы, играют ключевую роль в обеспечении контроля за соблюдением условий домашнего ареста. Необходимо обеспечить развитие и внедрение новых технологий, позволяющих следить за соблюдением условий домашнего ареста в реальном времени. Реализация всех предложенных направлений позволит повысить эффективность применения домашнего ареста как меры пресечения.

Заключение

Меры пресечения в уголовном процессе направлены на предотвращение противоправных действий обвиняемого или подозреваемого и защиту интересов общества. Меры пресечения обладают обеспечительным характером и направлены на соблюдение интересов уголовного правосудия. Этапы развития системы мер уголовно-процессуального принуждения в России демонстрируют последовательный переход от архаичных и коллективных форм к современным индивидуализированным и юридически регламентированным мерам.

Домашний арест (ст. 107 УПК РФ) подразумевает содержание обвиняемого в своем жилище с ограничением передвижения, контактов и других прав. Контроль осуществляется органами внутренних дел с использованием технических средств (например, электронного браслета). Домашний арест занимает промежуточное положение между более мягкими мерами пресечения (например, подписка о невыезде) и наиболее строгой мерой – заключением под стражу. Он предоставляет возможность ограничить свободу подозреваемого или обвиняемого без изоляции в местах лишения свободы, что соответствует тенденции гуманизации уголовного судопроизводства. Введение этой меры пресечения было обусловлено стремлением государства сократить практику избрания заключения под стражу и снизить нагрузку на следственные изоляторы.

Несмотря на стремление к гуманизации уголовного процесса, применение домашнего ареста в России остается ограниченным. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ она составила около 1,5% от общего числа избранных мер пресечения. Для более широкого и эффективного использования этой меры пресечения требуется решение ряда организационных и правовых вопросов.

В результате анализа текущей практики применения домашнего ареста как меры пресечения выявлены несколько ключевых проблем, которые

препятствуют его эффективному использованию в российской судебной системе. Данные проблемы можно разделить на четыре основные группы: доктринальную, юридическую, организационную и технологическую. Они оказывают влияние на процесс применения домашнего ареста, ограничивая его реальное использование как альтернативы заключению под стражу.

К доктринальным и юридическим проблемам можно отнести то, что существующие подходы к процессуальному порядку избрания домашнего ареста не всегда позволяют учитывать все аспекты, необходимые для его эффективного применения. Также присутствует неполнота и неопределенность формулировок запретов и ограничений, которые накладываются на обвиняемого. Законодательство предоставляет суду широкие полномочия для установления условий домашнего ареста, однако на практике суды часто не указывают чётко, какие конкретно действия подлежат запрету, например, в случае использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Некоторые суды назначают домашний арест без явного указания на возможные ограничения, что порождает неопределённость в их исполнении. Для решения перечисленных проблем необходимо конкретизировать процессуальные нормы, чтобы гарантировать, что постановления суда будут содержать полный перечень ограничений, а также чётко прописывать механизм контроля за их исполнением.

Организационные проблемы заключаются в недостаточной подготовке и координации между органами следствия, судами и другими участниками уголовного процесса. На практике суды часто не получают полной и достоверной информации о возможностях применения домашнего ареста. Одна из проблем заключается в неразрешенности ряда вопросов, касающихся соотношения объемов и границ процессуального контроля прокурора, руководителя следственного органа, а также начальника органа дознания. Для решения указанной проблемы рекомендуется: внести изменения в статьи УПК РФ (п. 5 ч. 2 ст. 37 и ч. 3 ст. 108), чтобы процесс согласования решения об

избрании домашнего ареста с прокурором был обязательно предусмотрен не только для дел, находящихся в производстве дознания, но и для дел предварительного следствия, определить четкие правила согласования, определить полномочия прокурора и следственных органов, чтобы избежать ситуации, в которой прокурор может не иметь возможности влиять на процесс до того, как решение о мере пресечения будет передано в суд.

Также выделена проблема недостаточной систематизации и неполноты перечня материалов, которые должны прилагаться к постановлению о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. В отсутствие должной систематизации и полноты перечня материалов суд может не иметь всей информации, необходимой для того, чтобы сделать правильное решение относительно применения домашнего ареста. Для решения казанной проблемы требуется систематизировать перечень документов, которые должны прилагаться к постановлению об избрании домашнего ареста. Необходимо также внести изменения в законодательство и практику, которые бы определяли обязательные требования к сбору и систематизации материалов, прилагаемых к постановлению о домашнем аресте.

В исследовании также рассмотрена проблема несоответствия сроков для подачи ходатайства об избрании меры пресечения и подготовки материалов. В связи с этим предлагается продлить сроки для подачи ходатайства и материалов в суд, а также повысить эффективность координации между следственными органами и судом для обеспечения достаточного времени на подготовку и рассмотрение ходатайств.

Также на практике часто можно увидеть проблемы, возникающие в процессе контроля за соблюдением условий домашнего ареста. В момент, когда суд принимает решение о применении домашнего ареста, оно начинает действовать юридически с момента вынесения постановления. Однако фактически домашний арест начинается только с момента прибытия в жилое помещение и разъяснения условий под расписку обвиняемому

(подозреваемому) органом уголовно-исполнительной инспекции. Между этими моментами возникает пробел в контроле.

Данный организационный пробел требует четкой регламентации того, как должна действовать система контроля на этот промежуточный период. В процессе судебного разбирательства сотрудники инспекции могли бы сразу же после принятия решения суда начать подготовку к осуществлению контроля за соблюдением условий ареста. Однако в действующем законодательстве не предусмотрено обязательное присутствие сотрудников инспекции на этих заседаниях, что создает риск задержки исполнения решения. Для этого предлагается внести изменения в Порядок, регламентируя обязательное участие сотрудников инспекции в судебных заседаниях, если подозреваемый (обвиняемый) участвует очно, что позволит не только сразу после вынесения постановления начать контроль за обвиняемым, но и обеспечит ускоренное исполнение постановлений суда без задержек, а также позволит избежать юридического вакуума между решением суда и фактическим исполнением меры пресечения. Нужно разработать промежуточные меры контроля, которые могут быть применены в момент между вынесением постановления и первым визитом инспекции. Возможно, это должно быть временное уведомление других органов или установление некоторых условных правил контроля, пока инспекция не приступит к своим обязательствам.

Также важно, чтобы копия постановления о домашнем аресте поступала инспекции немедленно, а для этого следует использовать современные методы связи, такие как электронная почта, факс или даже специализированные информационные системы, чтобы минимизировать время, необходимое для передачи документов.

Технологические проблемы, в свою очередь, касаются недостаточной интеграции современных систем электронного мониторинга с судебной и следственной системами.

Аудиовизуальные средства контроля, хотя и применяются, не могут полностью обеспечить надзор, особенно в условиях использования

беспроводных сетей Wi-Fi, через которые обвиняемый может обходить ограничения.

Кроме того, контроль за использованием Интернета также остаётся недостаточно эффективным. Многие системы контроля, такие как электронные браслеты, не всегда корректно фиксируют местоположение подозреваемого, что затрудняет контроль за выполнением условий домашнего ареста.

Для решения данной проблемы следует активно внедрять более точные электронные средства контроля, такие как GPS-наблюдение и улучшенные системы отслеживания в реальном времени.

Также важно совершенствовать практику мониторинга в режиме реального времени, используя современные технологии для контроля за лицами, находящимися под домашним арестом.

Также можно выделить проблему, которая существенно затрудняет процесс применения домашнего ареста и рассмотрения ходатайств о мере пресечения через дистанционные технологии.

Несогласованное использование технологий приводит к сбоям в работе и снижает эффективность судопроизводства.

Несмотря на внедрение видео-конференц-связи, взаимодействие между органами уголовного правосудия (суды, прокуратура, органы следствия) также еще не полностью налажено.

Используемые системы не интегрированы должным образом, что приводит к отсутствию взаимного доступа и необходимости создавать дополнительные договоренности между органами для использования системы.

Для решения проблемы предлагается создать единый регламент для всех органов уголовного правосудия. Также следует продолжить совершенствование законодательства в части дистанционного рассмотрения ходатайств, формализовать правила использования технологий.

В исследовании освещена проблема, связанная с использованием технических средств контроля при домашнем аресте, которая выражается в отказе обвиняемых или лиц, проживающих с ними, от установки таких средств.

Отказ от этих средств затрудняет процесс контроля и может снизить эффективность всей системы домашнего ареста как меры пресечения.

В качестве решения перечисленных проблем необходимо закрепление правовой основы для отказа от применения средств контроля: предлагается закрепить правовую основу для случаев, когда обвиняемый или подозреваемый отказывается от использования средств контроля.

Реализация всех предложенных направлений решения проблем применения домашнего ареста позволит повысить эффективность применения данной меры пресечения.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авдеев В.Н. Обеспечение неприкосновенности личности в ходе производства по уголовным делам: учебное пособие. Калининград: Калининградский юридический институт МВД России. 2011. 130 с.
2. Александров А.С. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: обновленный вид, проблемы – старые // Уголовное право. 2019. № 2. С. 87-90.
3. Барахоева А.Р. Меры пресечения в уголовном процессе: теория и практика применения // Наукосфера. 2021. № 9-1. С. 182-185.
4. Белоусов А.Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно процессуального пресечения по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1995. 25 с.
5. Быков В.М., Лисков Д.А. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ // Российский следователь. 2018. № 4. С. 12-14.
6. Вдовенко Е.В. Домашний арест как мера пресечения: понятие и некоторые проблемы применения / Е. В. Вдовенко // Аллея науки. 2018. Т. 2, № 11 (27). С. 597-601.
7. Воронов Д.А. Домашний арест как мера безопасности: состояние и перспективы развития // Известия АлтГУ. 2013. № 2 (78). С.86-89.
8. Галиев В.М. Мера пресечения в виде домашнего ареста / В.М. Галиев // Наукосфера. 2024. № 2-1. С. 246-249.
9. Горбатых И.М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 57-64.
10. Горбатых И.М. Процессуальный порядок избрания домашнего ареста нуждается в совершенствовании // Вестник БелЮИ МВД России. 2023. № 4. С. 50-59.
11. Гуткин И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1963. 43 с.

12. Замараева А.С. Меры уголовно-процессуального принуждения в России (XIII–XIX века) / А.С. Замараева, Э.А. Мамонтова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 6 (401). С. 168-170. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/401/88674/> (дата обращения: 10.01.2025).

13. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение. Казань, 1981. 66 с.

14. Иванова О.Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания: дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2019. 176 с.

15. Квык А.В. Процессуальные аспекты установления ограничений на использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста и проблемы их исполнения: сб. науч.-практ. тр. 2016. № 2. С. 82-86.

16. Климов В.В. Проблемы применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России // Вестник БГУ. 2011. № 2. С. 1-8.

17. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1968. 711 с.

18. Манджиева Е.В. Этапы становления и развития иных мер процессуального принуждения в России // Академическая мысль. 2018. № 4 (5). С. 117-119.

19. Манохина Е.Ю. Особенности избрания меры пресечения «Домашний арест» в отношении несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №2 (86). С. 153-157. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-izbraniyamery-presecheniya-domashniy-arrest-v-otnoshenii-nesovershennoletnih> (дата обращения: 11.01.2025).

20. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. 299 с.

21. Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения. М., 1998. 188 с.
22. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: научно-методическое пособие. Москва: Юрлитинформ, 2006. 190 с.
23. Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2011 № 9-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аноприева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110634/ (дата обращения: 10.01.2025).
24. Павлик М.Ю., Токарева Е.В., Шепелева О.Р. Сущность ограничений и запретов, налагаемых на обвиняемого, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста // Ленинградский юридический журнал. 2020. №1 (59). С. 161-169.
25. Постановление Благовещенского районного суда Амурской области по делу 3/3-6/2021 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-28RS0005-3-3-6-2021-2021-04-22-3-0/> (дата обращения: 10.01.2025).
26. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#FCGFVZUczDfBnjkg1/> (дата обращения: 10.01.2025).
27. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2018 № 12-П по делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201803230017/> (дата обращения: 10.01.2025).

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/1ce139850b5a110083dd573a7e5947a93e968574/ (дата обращения: 10.01.2025).

29. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/29024/> (дата обращения: 10.01.2025).

30. Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 (ред. от 15.11.2018) «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (вместе с «Правилами применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142287/bba28dd12e27a55b2408fb06ecb26bc5f64bb76e/ (дата обращения: 24.01.2025).

31. Приговор от 6 июня 2016 г. по делу № 1-58/2016-142 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

[https://sudact.ru/magistrate/doc/qWUAeAwZifYl/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistratelawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+107.+%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%28%D0%A3%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&magistrate-date_from=&magistrate-date_to=&magistrate-area=&magistrate-court=&magistrate-judge=/\(дата обращения: 10.01.2025\).](https://sudact.ru/magistrate/doc/qWUAeAwZifYl/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistratelawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+107.+%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%28%D0%A3%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&magistrate-date_from=&magistrate-date_to=&magistrate-area=&magistrate-court=&magistrate-judge=/(дата обращения: 10.01.2025).)

32. Приговор от 13 декабря 2016 г. по делу № 1-57/2016 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

[https://sudact.ru/magistrate/doc/p8lPycXFMjb8/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistratelawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+107.+%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%28%D0%A3%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&magistrate-date_from=&magistrate-date_to=&magistrate-area=&magistrate-court=&magistrate-judge=/\(дата обращения: 10.01.2025\).](https://sudact.ru/magistrate/doc/p8lPycXFMjb8/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistratelawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+107.+%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%28%D0%A3%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&magistrate-date_from=&magistrate-date_to=&magistrate-area=&magistrate-court=&magistrate-judge=/(дата обращения: 10.01.2025).)

33. Рогава И Г., Махмудова Ф С. Актуальные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №1-2. С. 172-175.

34. Ромашова М.В. Вопросы применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 325-328.

35. Рудич В.В. О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения - мер пресечения // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 3. С. 25-31.

36. Рыжаков А.П. Меры пресечения. М., 1996. 176 с.

37. Светочев В.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: моногр. – Калининград : Калинингр. ЮИ МВД РФ России, 2010. 56 с.

38. Светочев В.А. Уголовно-процессуальный алгоритм избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (28). С. 57-61.

39. Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946. 308 с.

40. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации статистика по мерам пресечения – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/15/s/13/> (дата обращения: 10.01.2025).

41. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. - изд. 5-е, перераб. и доп. - М., 2002. 876 с.

42. Тихомиров М.Н., Елифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.

43. Токарева Е.В., Хорошева В.С. Процессуальные особенности избрания меры пресечения в вид домашнего ареста в современных условиях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2 (41). С. 95-98.

44. Тройнина И.С. Понятие и система мер пресечения в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2010. №1. С. 491-498.

45. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=m5r36un6t6875200534/(дата обращения: 17.12.2024).

46. «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/?ysclid=m5r36e06a5931473449/(дата обращения: 17.12.2024).

47. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) – [Электронный

ресурс]. – Режим доступа:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/(дата обращения:
17.12.2024)

48. Царева Ю.В. Контроль за исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста: проблемы и перспективы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. №2 (38). С. 62-69. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrol-za-ispolneniem-merypresecheniya-v-vide-domashnego-aresta-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 24.01.2025).